

ФГБУН ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
Отдел памятников письменности народов Востока

ХIII Международная
проблемно-методологическая конференция

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ВОСТОКА

16–18 октября 2023 г.

Тезисы и конспекты докладов

Москва, ИВ РАН
2023

УДК 94(5)(082)+7(1/9)

ББК ТЗ(5/6)+Щ03/Щ03(8)

ТЗ0

Составители и ответственные редакторы выпуска:

Л. В. Горяева, В. Н. Настич

Научное и техническое редактирование —
Л. В. Горяева, Е. Д. Зарубина, С. В. Тхор, В. Н. Настич

Форматирование, компьютерная верстка, мониторинг
восточных шрифтов — В. Н. Настич

Т-30 **XIII Международная** проблемно-методологическая конференция
«Текстология и источниковедение Востока». 16–18 октября 2023 г. /
Тезисы и конспекты докладов / Сост. и отв. ред. Л. В. Горяева, В. Н. Настич.
— М.: ИВ РАН, 2023. — 96 с.

ISBN 978-5-907671-55-3

Сборник тезисов и конспектов докладов, заявленных для прочтения на XIII Международной проблемно-методологической конференции «Текстология и источниковедение Востока», организованной сотрудниками Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН и проводимой в Москве 16–18 октября 2023 г.

The present volume represents a collection of abstracts and synopses of papers delivered at the 13th annual Conference "Textology and Source Study of the East" organized in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, and conducted by the staff of the Department of Oriental Written Sources (Moscow, 16–18 October 2023).

© Горяева Л. В., Настич В. Н.,
составление, 2023

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Содержание

От составителей	7
<i>М. А. Алонцев</i> История о первом ханакахе в «Разрядах суфиев» ‘Абдаллаха Ансари в контексте полемики мусульманских мистико-аскетических учений в Хорасане в X–XIII вв.	9
<i>В. В. Бельский</i> Евхологические и асматические тексты Ветхого Завета в древневосточном контексте	12
<i>В. Д. Бутолин</i> К культурным функциям зороастрийского календаря в эпоху Газневидов	15
<i>Л. Н. Додхудоева</i> К вопросу о дискурсивной стратегии в отстаивании ортодоксии (по материалам <i>Манакиб ал-хулафа’</i> из фонда Национальной академии наук Таджикистана)	18
<i>М. Ю. Илюшина</i> Гороскоп для султана (по материалам рукописи <i>Ayasofya 4793</i>)	21
<i>О. А. Казакевич</i> Одиночество, увечье, гибель: каритивные формы в северноселькупских поэтических и прозаических устных текстах	24
<i>А. А. Кириллова</i> Объяли меня воды до души моей: анализ термина <i>sūf</i> из Иона 2:6	28

<i>Л. Г. Лахути</i>	
Мир земной в газели Хафиза	31
<i>С. В. Лахути</i>	
Апелляции к Богу в формальной рамке писем из <i>Шахнаме</i> Абулькасима Фирдоуси	33
<i>Н. Р. Лидова</i>	
Акватическая терминология в космогонических гимнах <i>Ригведы</i>	36
<i>З. А. Магомедова</i>	
Арабоязычное эпистолярное наследие Дагестана XVIII – начала XX вв. как исторический источник (по материалам Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН)	39
<i>Д. В. Микульский</i>	
Первый алжирский академический арабист Мухаммад Бен Шенеб (1869–1929) и его очерк о XVII конгрессе востоковедов в Оксфорде (1927 г.): от традиционной учености к научному знанию	42
<i>Д. Е. Мишин</i>	
Ещё одна параллель между Библией и арабской литературой Средневековья	45
<i>Е. Л. Никитенко</i>	
Стратегии культурной апроприации в современном иранском детективе	47
<i>Н. Нуров</i>	
Редкая рукопись комментария к <i>Дивану</i> Бедия и ее роль в осмыслении взглядов поэта	50
<i>В. В. Понарядов</i>	
Как Ибн Хузайл использовал книгу Ибн Ахи Хизама	53

<i>Н. И. Пригарина</i>	
Проблемы филологического перевода классической персидской поэзии	56
<i>М. Л. Рейснер</i>	
Пророческие чудеса (<i>му`джизат</i>) в мотивах и сюжетах персидской поэзии (XI–XV вв.)	59
<i>В. А. Розов</i>	
Термины общения с Богом в Коране и хадисах: эмотивный и контекстуальный анализ	61
<i>И. Р. Саитбатталов</i>	
О тюркоязычных текстах в собрании писем Мухаммада Хасана Катила	64
<i>О. А. Соколов, Н. А. Кижяева</i>	
Перспективы применения метода сентимент-анализа для исследования арабоязычных исторических хроник	67
<i>Д. М. Тимохин</i>	
Мусульманские авторы XII – начала XIII в. о миграции кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака	69
<i>М. В. Торопыгина</i>	
Особенности издания книг <i>мэйсё дзуэ</i> «Иллюстрированный путеводитель по знаменитым местам» Акисато Рито на рубеже XVIII–XIX вв.: предисловия, заказанные аристократам, и каллиграфические «заглавные знаки»	72
<i>С. В. Тхор</i>	
Организация торговли в Малакке XV–XVI в. (согласно «Малаккскому кодексу» и «Морскому кодексу»)	75
<i>Е. В. Тюлина</i>	
Роль представлений о смерти в формировании концепции времени в <i>пуранах</i>	78

<i>М. Ю. Ульянов, Е. В. Гордиенко</i>	
Издание книги А.Б. Полякова «Возрождение средневекового Вьетнама (X – начало XV в.)»	81
<i>Н. Ю. Чалисова</i>	
Украшение для стиха и ловушка для переводчика: стратегии цитирования в персидской поэзии	84
<i>М. С. Чистякова</i>	
«Я сказал народу моей земли»: Прямая речь в текстах правителей Суху I тыс. до н.э.	87
<i>Е. А. Юдицкая</i>	
Особенности структуры и стиля классической санскритской драмы (предварительные замечания)	90
<i>О. М. Ястребова, А. С. Матвеев, А. В. Моисеева</i>	
О проекте электронной публикации и изучения коллекции рукописей Мухаммада Айяда ат-Тантави	93

От составителей

Ежегодные конференции, проходящие в Институте востоковедения РАН и посвящённые изучению письменного наследия стран Востока, уже стали доброй традицией. Исследователи, работающие по этой тематике, знают, что их доклады всегда будут с интересом встречены нашей аудиторией, а многие из них опубликованы в профильных сборниках статей или, как минимум, напечатаны в виде тезисов или конспектов в наших ежегодных выпусках, один из которых вы сейчас держите в руках.

Постоянство, с которым мы из года в год — и на конференциях, и в своих печатных изданиях — объединяем исследования, относящиеся к памятникам самых разных культур, языков и жанров словесности, порой удивляет приверженцев «строгого» регионального, языкового или тематического единообразия текстов, публикуемых под одной обложкой. Высказывалось даже мнение, что наш подход не позволяет обсуждать доклады на достаточно высоком страноведческом уровне, как это случается, когда и выступающий, и его аудитория являются специалистами в достаточно узкой области. Однако избранная нами модель соответствует главной задаче, которую мы ставили перед собой и которая отразилась в самом названии цикла — «Текстология и источниковедение Востока: проблемы перевода и интерпретации». Очевидно, что в центре нашего внимания находится первоисточник, который надлежит прочесть (что не всегда легко, если не имеешь дела с уже напечатанным материалом), а затем перевести и истолковать. Рассказ о

методах и приёмах работы с восточным текстом, позволяющих найти в нём нечто новое, полезен для любого слушателя, вне зависимости от сферы его собственных изысканий.

Актуальность исследований различных аспектов современного Востока уже давно не ставится под сомнение даже самыми закоренелыми скептиками и ригористами. Однако глубокое понимание сути процессов, протекающих в странах Азии и Африки, сегодня просто немыслимо без анализа культурных и политических, экономических и правовых моделей прошлого.

Л. В. Горяева, В. Н. Настич

М. А. Алонцев
(НИУ ВШЭ)

**История о первом ханакахе в «Разрядах суфиев»
‘Абдаллаха Ансари в контексте полемики
мусульманских мистико-аскетических учений
в Хорасане в X–XIII вв.**

Ключевые слова: суфизм; каррамизм; ханаках; конструирование традиции; мусульманская полемика

Биографический сборник ‘Абдаллаха Ансари (ум. 1088) *Ṭabaqāt aṣ-Ṣūfiyya* «Разряды суфиев», считающийся одним из первых персоязычных суфийских сочинений, традиционно становится объектом внимания исследователей как образец гератского диалекта классического персидского языка, в то время как с точки зрения содержания работа представляется едва ли не вторичной по отношению к гораздо более влиятельному одноименному арабоязычному компендиуму ‘Абд ар-Рахмана Сулами (ум. 1021). И хотя влияние Сулами на становление суфийской «ученой» литературы как в Хорасане, так и за его пределами, велико (и очевидно наблюдается в «Разрядах» Ансари), это ни в коем случае не должно давать оснований упускать из виду самостоятельность сочинения гератского автора и его четкую ориентированность на идеологическую обстановку в регионе.

В первом разделе «Разрядов» Ансари, приводится сообщение о подвижнике Абу Хашиме ас-Суфи из средневековой Сирии, «первом, кого называли суфием», — он представляет-

ся легендарным основателем движения, и именно с ним автор связывает создание первого *ханакаха* — странноприимного дома, в эпоху Ансари игравшего все большую роль в укреплении и распространении суфийского движения. Эта история интересна в контексте противостояния суфиев и представителей каррамитского течения, влияние которого было особенно сильно в землях Газневидов (977–1186) и Гурридов (1148–1206). Именно каррамиты считаются создателями особенно эффективной системы пропаганды своего учения, основанной на сетях *ханакахов*, во главе которых стояли специально обученные проповедники. Для успешного противостояния каррамитизму в борьбе за идеологическое влияние в регионе суфии приняли на вооружение каррамитские методы распространения учения — в т.ч. использовали *ханакахи* как центры создаваемых ими сетей влияния.

Maxim A. Alontsev
(HSE University)

The story of the first *khanaqah* in "The Generations of Sufis" by 'Abdallah Ansari in the context of the controversy of Muslim mystical and ascetic teachings in Khorasan in the 10th–13th cent.

Keywords: Sufism; Karramism; *Khanaqah*; Construction of Tradition; Muslim Polemics

The biographical collection of ‘Abdallah Ansari (d. 1088), "The Generations of Sufis" (*ṭabaqāt aṣ-ṣūfiyya*), which is considered one of the first Persian-language Sufi writings, traditionally draws scholarly attention as an example of the Herat dialect of the classical Persian language; meanwhile, in terms of content, this work seems almost secondary to the much more influential

Arabic-language compendium by ‘Abd al-Rahman Sulami (d. 1021) of the same name. Despite the towering influence of Sulami on the formation of Sufi "scholarly" literature both in Khorasan and beyond (which is obviously seen in Ansari's "Generations"), one shouldn't by any means lose sight of the independent character of the work of the Herati author and his clear focus on the ideological situation in the region.

In the first section of Ansari's "Generations", there is a story about the ascetic Abu Hashim as-Sufi from Syria, "the first to be called a Sufi", who is represented as the legendary founder of the movement. The author attributes to him the foundation of the first *khanaqah*, a Sufi lodge, which in Ansari's era played an increasing role in strengthening and spreading the Sufi movement. This story invokes interest in the context of the confrontation between the Sufis and representatives of the Karramites, whose influence was especially strong in the lands of the Ghaznavids (977–1186) and the Ghurids (1148–1206). It is the Karramites who are considered the creators of a particularly effective propaganda system for their teachings, based on networks of *khanaqah*, headed by specially trained preachers. In order to successfully resist Karramism in the struggle for ideological influence in the region, the Sufis co-opted Karramite methods of spreading their teachings and, inter alia, employed *khanaqahs* as centres of the newfound networks of influence.

В. В. Бельский

(Московская Духовная Академия)

Евхологические и асматические тексты Ветхого Завета в древневосточном контексте

Ключевые слова: богослужение; Ветхий Завет; молитвы; песнопения; псалмы; структура текста; коммуникация; Древний Ближний Восток

Среди древневосточных письменных источников, которые введены и продолжают вводиться в научный оборот, значительный пласт во многих случаях составляют тексты богослужебного назначения, главным образом — молитвы и гимны. Однако правильная интерпретация указанных текстов невозможна без учета особенностей их использования в богослужебной практике. Исходя из того, что богослужение обладает всеми необходимыми признаками коммуникативного процесса, принципиальное значение имеет выявление структуры и типологии евхологических и асматических текстов, позволяющее дифференцировать молитвы и гимны.

В докладе эта дифференциация будет показана на примере молитв и псалмов, зафиксированных в тексте Ветхого Завета. В рамках библейского нарратива евхологические тексты обнаруживают стабильное сочетание структурных компонентов, которые отличаются не только характерным синтаксисом, но и использованием устойчивых формул, сходных с устойчивыми формулами текстов официально-делового характера. При этом текст молитвы не являлся фиксированным, поскольку произносился в ситуации потребности или опасности как просьба к божеству (адресату) об изменении этой ситуации в пользу просителя (адресанта).

После достижения коммуникативной цели необходимость в данном тексте отсутствовала.

Коммуникативная ситуация использования асматических текстов более разнообразна (хваление, благодарение, покаяние, плач и проч.). Исполнение гимнов (псалмов) хором или солистом и использование/наличие мелоса (в т.ч. при регулярном храмовом богослужении) предполагало обязательную поэтическую организацию структуры данных текстов и необходимость их письменной фиксации, в т.ч. и в рамках специальных богослужебных сборников. Однако находящиеся в некоторых псалмах устойчивые обороты, аналогичные маркерам структурных компонентов молитвы, выполняют иную, чем в евхологических текстах, функцию.

Наличие в культурах древнего Ближнего Востока текстов, аналогичных библейским псалмам и молитвам, позволяет распространить отдельные результаты изучения ветхозаветных текстов на аккадские, хеттские и угаритские богослужебные тексты.

Vladimir V. Belsky

(Moscow Theological Academy)

Euchological and Asmatic Texts of the Old Testament in the Ancient Oriental Context

Keywords: Worship; the Old Testament; Prayers; Hymns; Psalms; Text Structure; Communication; Ancient Near East

Among the ancient Eastern written sources that have been introduced and continue to be introduced into academic use, a significant layer is, in many cases, made up of texts of liturgical

purpose, mainly prayers and hymns. However, the correct interpretation of these texts is impossible without taking into account the peculiarities of their use in liturgical practice. Worship has all the necessary features of a communicative process, so it is highly important to identify the structure and typology of euchological and asmatic texts to be able to differentiate between prayers and hymns.

In the paper, this differentiation is explored on the basis of prayers and psalms from the Old Testament. In the biblical narrative, euchological texts reveal a stable combination of structural components that stand out with their characteristic syntax and with the use of set formulas similar to those of official texts. At the same time, the text of a prayer was not established since it was pronounced in a situation of need or danger as a request to the deity (addressee) to change this situation in favour of the petitioner (addresser). After reaching the communicative goal, there was no need for this text.

The communicative situation of using the asmatic texts is more diverse: praise, thanksgiving, repentance, lamentation, etc. The performance of hymns (psalms) by a choir or a soloist and the presence of melos and its use, including during regular temple services, necessarily implied the poetic organisation of their structure and the need for their written fixation, in particular within the framework of special liturgical collections. However, the set phrases found in some psalms, being similar to the markers of the structural components of the prayer, still perform a different function compared to the euchological texts.

The existence in the ancient Near East cultures of the texts that are similar to biblical psalms and prayers enables to extrapolate the particular results of Old Testament studies to Akkadian, Hittite and Ugaritic liturgical texts.

В. Д. Бутолин
(ИКВиА НИУ ВШЭ)

К культурным функциям зороастрийского календаря в эпоху Газневидов

Ключевые слова: зороастрийский календарь; классическая персидская поэзия; эпоха Газневидов; Иран

После распространения ислама основная функция календаря — исчисление времени — закрепилась за новым, мусульманским лунным календарём. Культурная же роль, которую играл зороастрийский календарь в эпоху Сасанидов, а именно определение дат наиболее роскошных пиршеств при дворе, сохранилась и в раннемусульманскую эпоху. При дворах мусульманских правителей отмечались иранские праздники Ноуруз, Михрган и Саде, даты которых определялись по зороастрийскому календарю, который в персидской культуре раннемусульманской эпохи приобрёл роль праздничного календаря. В персидской поэзии раннеклассического периода (кон. X – нач. XIII вв.) получили распространение календарные метафоры, а названия персидских месяцев употреблялись как синонимы названий соответствующих праздников (*Фарвардин* — Ноуруз, *Михр* — Михрган, *Бахман* — Саде). Упоминание в стихе даты зороастрийского календаря часто служило намёком на приближающееся празднество. Отдельно стоит выделить эпические поэмы о старине, в которых описываются времена преобладания зороастризма — в этих произведениях авторы обращаются к зороастрийскому способу летосчисления не как к праздничному календарю, а как к средству архаизации повествования, указания на древние времена и на иранское происхождение описываемых ими сюжетов. В эпоху Газневидов виднейшие

представители придворного поэтического круга неоднократно обращались к зороастрийскому календарю, использовали элементы иранского календаря в праздничных календарных произведениях как средства стилизации под «староиранское» и сохранения памяти о великой поэтической традиции прошлого. Настоящий доклад рассмотрит способы поэтизации элементов зороастрийского календаря в эпоху Газневидов, а также его роль в культурной жизни двора.

Vladimir D. Boutoline
(IOCS NRU HSE)

**On the cultural functions of the Zoroastrian calendar
in the Ghaznavid era**

Keywords: Zoroastrian calendar; classical Persian poetry; Ghaznavid era; Iran

After the spread of Islam, the main function of the calendar—the calculation of time—was assigned to the new Muslim lunar calendar. The cultural role played by the Zoroastrian calendar in the Sassanid era, namely the determination of the dates of the most luxurious feasts at court, however, was preserved in the early Muslim era. Iranian season festivals such as Nawruz, Mihrigan, and Sadeh, the dates of which were determined according to the Zoroastrian calendar, were celebrated at the courts of Muslim rulers. In the Persian culture of the early Muslim era, the Zoroastrian calendar acquired the role of a festive calendar. In Persian poetry of the Early Classical period (late 10th –early 13th cent.), calendar metaphors became widespread, and the names of Persian months were used as synonyms for the names of the corresponding festivals (*Farvardin* – Nawruz, *Mihr* – Mihrigan,

Bahman – Sadeh). The mentioning of the date of the Zoroastrian calendar in the verse often served as a hint of the approaching festival. Epic poems about ancient times, which describe the times of Zoroastrianism's prevalence, should be singled out separately. In such poems, authors refer to the Zoroastrian method of chronology not as a festive calendar but as a means of archaizing the narrative, pointing to ancient times and the Iranian origin of the subjects they describe. In the Ghaznavid era, the most prominent court poets repeatedly used elements of the Iranian calendar in festive calendar works as a means of stylizing it as "Old Iranian" and preserving the memory of the great poetic tradition of the past. This paper will examine the ways in which elements of the Zoroastrian calendar were poeticized in the Ghaznavid era, as well as their role in the cultural life of the court.

Л.Н. Додхудоева

(Независимый исследователь, Таджикистан)

**К вопросу о дискурсивной стратегии
в отстаивании ортодоксии**

(по материалам *Манакиб ал-хулафа'* из фонда
Национальной академии наук Таджикистана)

Ключевые слова: *Манакиб ал-хулафа'*; Шибаниды;
ал-фирка ан-наджиййа; хадисы; праведные халифы

Фокус наших исследований — трактат *Манакиб ал-хулафа'* «Достоинства халифов» (далее — *МХ*), составленный в 997/1588 г. преподавателем бухарского мадраса Мухаммадом ал-Хусайни ал-Харави (мулла Мир) в ответ на протестное послание ши'итов Герата, переживших девятимесячную осаду и взятие города войсками Шибанидов (906–1007/1500–1599). Наряду с Османской и Могольской империями ханство вошло в так называемый «Суннитский пояс», образовавшийся в Евразии как реакция на провозглашение шиизма государственной религией Сафавидского государства. Задача отстаивания истинности избранной ортодоксии фактически всех названных государственных образований и самовосприятия их сообществ как *ал-фирка ан-наджиййа* решалась и на полях сражений, и в идеологической сфере. Исключительный накал этому противостоянию придавал факт приближения тысячелетия ислама (1000/1592).

На наш взгляд, по меньшей мере, еще два факта делают *МХ* ценнейшим источником. Трактат — результат коллективного осмысления его текста суннитскими улама из окружения правящего хана 'Абдаллаха II (пр. 991–1006/1583–1598), а его автор — преподаватель бухарского *мадраса* во втором поколении, то есть человек, влиявший на

формирование общественного мнения в интеллектуальной среде ханства. Это дает основание рассматривать его аргументацию как выражение принятой и поощряемой в тот исторический момент дискурсивной стратегии «литературы протеста». Автор выстроил свой труд на хадисах, событийных примерах из жизни Пророка, четырех праведных халифов, получивших статус эталонных в сложившейся системе моральных, политических и социо-правовых координат суннизма-ханафизма. Актуализация событийной канвы и сакральной антропологии великого прошлого безусловно являлась ключевым элементом этой стратегии.

Lola N. Dodkhudoeva

(Independent researcher, Tajikistan)

**Towards the question of discursive strategy
in defence of orthodoxy**

(on materials of *Manaqib ul-khulafa'* from the fund of the
National academy of sciences of Tajikistan)

Keywords: *Manaqib ul-khulafa'*; Shibanids; *al-firqa al-najiyya*;
hadiths; righteous caliphs

A focus of our research is a manuscript of a treatise *Manaqib al-khulafa'* «Values of caliphs» (further on – *MKh*) compiled in 997/ 1588 by the madrasa teacher in Bukhara, Muhammad al-Husaini al-Haravi (mulla Mir) as a reply to the protest letter of the Shi'ites of Herat after 9 months of its siege and conquest by the troops of Shibanids (906–1007/1500–99). The Khanate, along with the Ottoman and Moghul empires, became part of the so-called «Sunni Belt», formed in Eurasia as a reaction to the proclamation of Shi'ism as the state religion of the Safavid state. The task of defending the truth of the chosen orthodoxy of

virtually all the mentioned polities and the self-perception of their communities as *al-firqa al-najiyya* was solved both on the battlefields and in the ideological sphere. The fact that the millennium of Islam (1000/1592) was approaching made this confrontation extremely heated.

In our opinion, at least two more facts make *MKh* an extremely valuable source. The treatise is the product of collective comprehension of its text by Sunni *'ulama* from the entourage of the ruling khan 'Abdullah II (991–1006/1583–98), and its author is a second-generation Bukhara *madrassa* teacher, i.e. a person who influenced the formation of public opinion in the intellectual environment of the khanate. This suggests that the author's argumentation can be seen as an expression of the discursive strategy of «protest literature» adopted and encouraged at that historical moment. The author built his work on hadiths, event examples from the life of the Prophet, and the four righteous caliphs, which received the status of models in the established system of moral, political, and socio-legal coordinates of Sunnism-Hanafism. The actualization of the event frame and sacred anthropology of the great past was certainly a key element of this strategy.

М. Ю. Илюшина
(ИКВиА НИУ ВШЭ, С.-Петербург)

Гороскоп для султана
(по материалам рукописи *Ayasofya* 4793)¹

Ключевые слова: Египет; Султанат мамлюков; рукописная книга; гороскоп; султан ал-Ашраф Кансух ал-Гури

Перенос резиденции аббасидских халифов из Багдада в Каир в 1261 г. стал первым шагом и формальным основанием для того, чтобы сделать столицу Султаната мамлюков центром суннитского ислама и арабо-мусульманской культуры. Мамлюкские султаны и эмиры стали щедрыми покровителями учености, основателями многочисленных мечетей, медресе, библиотек, великолепие и слава которых должны были служить укреплению авторитета мамлюков в мусульманском мире и за его пределами. В черкесский период (1382–1517) эмиры и султаны, а также состоятельные представители местной элиты, продолжили работу по созданию крупных религиозных комплексов, включавших в себя, как правило, большие собрания книг. Один из последних мамлюкских султанов, ал-Ашраф Кансух ал-Гури (1501–1516) был любителем литературы, сам писал стихи, поощрял чтение на специальных ассамблеях (*маджалис*), где выступал не только организатором, но и активным участником, собрал великолепную библиотеку и содержал специальную мастерскую, где создавались рукописи по его заказу.

Для библиотеки Кансуха ал-Гури египетский историк и литератор XV – начала XVI в. ‘Абд ал-Басит ибн Шахин ал-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

Малати (1440–1515) собственноручно написал сборник из четырнадцати трактатов, посвященных самым разным предметам — от экзегетики до астрологии. В тринадцатом трактате о седьмой, счастливой звезде Плеяд, ал-Малати приводит гороскоп с указанием того, для каких дел благоприятен каждый из тридцати дней звездного цикла. Изучение этого памятника на основе методологических подходов, разработанных в рамках школы «Анналов», позволяет приблизиться к пониманию ценностей и стереотипов, и в более широком смысле — картины мира мамлюкской эпохи.

Milana Yu. Ilyushina

(HSE University, St. Petersburg)

Horoscope for the Sultan

(Istanbul, Süleymaniye Kütüphanesi, Ayasofya 4793)

Keywords: Egypt; Mamluk Sultanate; manuscript; horoscope; al-Ashraf Qanisawh al-Ghawri

Since the middle of the 13th cent. Cairo, the capital of the Mamluk Sultanate (1250–1517) was the residence of the Abbasid Caliphs as well as the center of Sunni Islam and Islamic culture. Numerous mosques, madrasas, libraries, founded by emirs and sultans served to strengthen the authority of the Mamluks — former slave soldiers of non-Islamic origin from regions north of the Black Sea and Caucasus — in the Muslim world and beyond. The penultimate sultan of the Circassian period (1382–1517) al-Malik al-Ashraf Qanisawh al-Ghawri (1501–1516, also known as Qansuh al-Ghuri) was a prominent bibliophile. He convened his famous *majalis* — salons, or meetings of high-level bureaucrats, judges, scholars, poets, musicians — and established a splendid library.

‘Abd al-Basit ibn Khalil ibn Shahin al-Hanafi al-Malati (1440–1515), a mamluk descendant, a historian, a traveler and a distinguished Egyptian intellectual wrote a book especially for the library of al-Malik al-Ashraf Qanisawh al-Ghawri. The manuscript titled *al-Madjmū‘ al-Bustān al-Nawrī li-Haḍrat Mawlānā al-Sulṭān al-Ghawrī* is preserved in the Süleymaniye Library (Ayasofya 4793) and contains fourteen separate works. In one of those, giving a description of the seventh star of the Pleiades, ‘Abd al-Basit ibn Khalil ibn Shahin al-Hanafi al-Malati provides a horoscope indicating which days of the star cycle would be good for various activities. The study of the treatise can reveal some patterns of court culture and the everyday life of the Mamluk elite, as well as some stereotypes in Mamluk world view.

О. А. Казакевич
(ИЯз РАН; РГГУ)

**Одиночество, увечье, гибель: каритивные формы
в северноселькупских поэтических и прозаических
устных текстах**

Ключевые слова: селькупский язык; северноселькупский каритив; корпус северноселькупских текстов; семантика корней, оформляемых каритивными показателями

В докладе речь пойдет о семантике селькупских корней, оформляемых каритивными показателями, в корпусе устных северноселькупских текстов. Корпус содержит поэтические (личные и шаманские песни) и прозаические (сказки, рассказы о жизни, охотничьи рассказы) тексты — ок. 120000 словоупотреблений, записанных между 1925 и 2015 гг. Об общем значении каритивных форм см. (Оскольская и др. 2020).

Северноселькупские каритивные показатели представлены и в словоизменении (падежная форма каритива - *kɔ:lɨŋ* (-*kɔ:l*) (1), каритивное причастие -*kuntʃʲitiɫ*, каритивное деепричастие -*kuntʃʲɔ:lɨŋ/k* (-*kuntʃʲɔ:l*), и в словообразовании (именной каритивный суффикс -*kita* и адъективный каритивный суффикс -*kitiɫ* (2)). Потенциально они могут присоединяться к любому корню. Однако рассмотрение сочетаемости этих показателей в корпусе выявляет их семантические «предпочтения».

Самым частотным корнем корпуса с каритивными показателями оказывается *pɛli* 'товарищ, напарник': *pɛli-kɔ:l* 'одинокий':

(1) *pɛli-kɔ:l* *ɛ:j-a* *i:ja-kɔ:l* *ɛ:j-a*
товарищ-CAR быть-EP-3SG.SBJ сын-CAR быть-EP-3SG.SBJ
potpa-ira *naj*
эвенк-мужчина вот

‘Одинокий (букв. без товарища), без сына эвенк’.

Далее идет группа корней, обозначающих части тела. Их отсутствие — это увечье обычного человека, которое может быть и признаком жителя иного мира: *oli* ‘голова’, *oli-kitiɫ* ‘безголовый’ (безголовый человек — антигерой селькупской сказки). См. также:

(2) *mat* *ʃəp-kitiɫ* *javol-ŋ-ɔ:k*
1SG пупок-CAR дьявол-EP-1SG

‘Я — беспупый дьявол’.

К этой группе примыкают корни, описывающие невидимые, нематериальные, но столь же неотъемлемые составляющие человека, как голова, руки или ноги — *ilsat* ‘душа’, *ə:tɪ* ‘слово’, *ʃaŋ* ‘сила’, *tɛ:nɪ* ‘ум’:

(3) *nun-i:j* *ilsa-kitiɫ* *ima-p* *na* *tatti-nt-i*
бог-сын душа-CAR женщина-ACC вот принести-EVID-3SG.SBJ

‘Бога сын бездушную жену вот привез’.

Сочетание названий жизненно важных частей тела с ка- ротивными показателями дает формулу небытия:

(4) *se:-kɔ:l* *qo:-kɔ:l*
язык-CAR ухо-CAR

‘Не говорит, не слышит’ (букв. ‘без языка, без ушей’) = ‘умер’.

Olga A. Kazakevich

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Loneliness, handicap, death: caritive forms in Northern Selkup poetic and prosaic oral texts

Keywords: Selkup; Northern Selkup caritive; Northern Selkup oral text corpus; semantics of the bases with caritive markers

In the paper the semantics of the Selkup bases with caritive markers in a Selkup oral text corpus will be analyzed. The corpus contains poetic and prosaic texts – personal and shamanic songs, fairy-tales, life stories, hunting stories – ca. 120000 running words, recorded between 1925 and 2015. Not long ago an article about the definition of caritive was published (Oskolskaya et al. 2020).

The Northern Selkup caritive forms are well grammaticalized. They are represented both in the inflection (caritive case *-kɔ:lɪŋ* (*-kɔ:l*) (1), caritive participle *-kuŋtʃʲitiɫ*, and converb *-kuŋtʃʲɔ:lɪŋ/k* (*-kuŋtʃʲɔ:l*) and in wordformation (noun caritive suffix *-kita* and adjective caritive suffix *-kitiɫ* (2)). Potentially, caritive markers can be attached to any grammatically corresponding base. Still, the analysis of their matching with bases in the corpus reveals their semantic “preferences”.

The most frequent base in the corpus with a caritive marker is *pɛli* ‘partner’: *pɛli-kɔ:l* ‘lonely’:

(1) <i>pɛli-kɔ:l</i>	<i>ɛ:j-a</i>	<i>i:ja-kɔ:l</i>	<i>ɛ:j-a</i>
partner -CAR	be -EP-3SG.SBJ	son -CAR	be-EP-3SG.SBJ
<i>pompa-ira</i>	<i>naj</i>		
Evenk-man	so		

‘A lonely (without partner), lonely (without son) Evenk’.

Then there comes a group of bases describing body parts. Their absence is a handicap for an ordinary person, but it can also appear to be a sign of a creature of another world: *oli* ‘head’, *oli-kitiλ* ‘headless’ (a headless man is an anti-hero of a Selkup fairy-tale).

(2) *mat* *ʃøŋ-kitiλ* *javol-ŋ-ɔ:k*
 1SG navel-CAR devil-EP-1SG

‘I am a navelless devil’.

Some bases describing unseen, non-material elements, belonging to the inner part of a person, just like head, hands or legs, also join this group – *ilsat* ‘soul’, *ə:ti* ‘word’, *ʃaŋ* ‘strength’, *tɛ:nɪ* ‘mind’:

(3) *nun-i:j* *ilsa-kitiλ* *ima-p* *na* *tatti-nt-i*
 god-son soul-CAR woman-ACC so bring-EVID-3SG.SBJ

‘The god’s son brought a soulless wife’.

A combination of the bases describing body parts most crucial for the life processes with the caritive markers gives a formula of death:

(4) *se:-kɔ:l* *qo:-kɔ:l*
 tongue-CAR ear-CAR

‘he/she neither speaks nor hears’ (lit. ‘without tongue, without ears’) = ‘dead’.

А. А. Кириллова
(ИЯз РАН)

**Объяли меня воды до души моей:
анализ термина *sūf* из Иона 2:6**

Ключевые слова: Библия; семитские языки; афразийские языки; сравнительно-историческое языкознание

Книга пророка Ионы — один из самых коротких текстов в составе Танаха, но при этом один из самых богатых в лексическом плане. Во второй главе этой книги содержится молитва Ионы к Господу, которая представляет собой великолепный образец библейской поэзии, наполненный различными тропами. В частности, присутствует следующий стих (здесь и далее приводится по Синодальному переводу):

Иона 2:6: Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскую травую обвита была голова моя.

В оригинальном тексте засвидетельствован термин *sūf*, для которого классический словарь Брауна–Драйвера–Бриггза предлагает перевод ‘reed’ — «тростник» [BDB 693].

Как пишет А. Эрман в статье «Отношение египетского языка к семитским», древнееврейская лексема *sūf* была заимствована из египетского *twf* ‘папирус’ [Erman 122]. Вероятно, в пользу этой версии может говорить еще одна цитата из еврейской Библии, но уже из Торы, а не из Пророков, а именно — эпизод с дочерью фараона и младенцем Моисеем:

Исход 2:3: ...но не могли долее скрывать его, взяла корзинку из тростника и осмолила ее асфальтом и смолою и, положив в нее младенца, поставила в тростнике у берега реки.

Однако В. Макс Мюллер в своей работе «Азия и Европа по древнеегипетским памятникам» пишет, что заимствование

из древнеегипетского в семитские языки в данном случае не доказано; более того, следует подозревать обратное — заимствование из семитских языков в древнеегипетский.

Еще один интересный аспект, связанный с термином *sūf*, — это присутствие в древнееврейском языке омонимичного термина *sūfā* со значением ‘storm-wind’ — «ураганный ветер» [BDB 693]. Семантика этого слова интересна в общем контексте истории Ионы, в которой большую роль играет разыгравшаяся на море буря. В рамках данного доклада мы рассмотрим термин *sūf* и попытаемся проанализировать сам факт присутствия в древнееврейском языке двух омонимичных лексем.

Anastasia A. Kirillova

(independent researcher, Moscow)

The waters compassed me about to the soul: analysis of the term *sūf* in Jonah 2:6

Keywords: Bible; Semitic languages; Afroasiatic languages; comparative linguistics

The Book of Jonah is one of the shortest texts in the Bible; however, its vocabulary is extremely diverse. In Chapter 2 of this book, we find Jonah’s prayer to God, which is a wonderful piece of Biblical poetry full of various figures of speech. The following verse originates from the said chapter (the King James translation is used below):

Jonah 2:5 (2:6 in BHS): The waters compassed me about, [even] to the soul: the depth closed me round about, the weeds were wrapped about my head.

The original text contains the term *sūf*, which is translated as ‘reed’ in the Enhanced Brown–Driver–Briggs Hebrew and English Lexicon [BDB 693].

As A. Erman puts it in the article ‘Das Verhältniss des Aegyptischen zu den semitischen Sprachen’, the ancient Hebrew word *sūf* was loaned from the ancient Egyptian term *ṭwṯ* ‘Papyrus’ [Erman 122]. Another verse from the Hebrew Bible can be considered a proof of this idea; however, it originates in the Torah and not in the Prophets (*Nevi'im*), and it describes the story of the Pharaoh’s daughter and baby Moses:

Exodus 2:3: And when she could not longer hide him, she took for him an ark of bulrushes, and daubed it with slime and with pitch, and put the child therein; and she laid [it] in the flags by the river’s brink.

However, W. Max Müller in his work ‘Asien und Europa nach Altägyptischen Denkmälern’ argues that loaning from the Ancient Egyptian into the Semitic languages was not sufficiently confirmed; moreover, the opposite process could take place in this case.

Another intricate issue connected with the term *sūf* relates to the homonymous Hebrew word *sūfā*, which means ‘storm-wind’ [BDB 693]. The meaning of this word is of great interest within the framework of Jonah’s story, where the sea storm is a turning point. In this paper, we will access the term *sūf* and we will also try to analyse the fact that there are two homonymous words in ancient Hebrew.

Л. Г. Лахути
(ИБ РАН)

Мир земной в газели Хафиза

Ключевые слова: персидская поэзия; Хафиз; мир земной и мир будущий

В соответствии со средневековой персидской традицией Вселенная состоит из двух миров — «сего», т.е. земного, и «иноного», ожидающего человека в будущей жизни. Можно назвать шесть слов, обозначающих мир и являющихся частичными синонимами (в скобках указано число вхождений в Диван): это *dahr* (14), *jahān* (154), *‘ālam* (56), *kawn* (8), *gītī* (7), *dunyā* (19). Из них *dahr* наиболее широкое понятие, охватывающее всю Вселенную — и материальный мир, и бесконечное время от предвечности (*azal*) до после вечности (*abad*) — в отличие от ограниченных отрезков времени. Самое узкое — *dunyā*: это только «ближний мир», низкий и в прямом значении — мир от поверхности земли до нижней (лунной) небесной сферы, и в переносном — низменный, подлый. Отсюда устойчивое выражение *dunyā-yi dūn* — мир низкий и презренный. Остальные четыре по умолчанию означают «мир сей», а в сочетании с определениями «другой» (*dīgar*), «тот» (*ān*) — «мир иной».

Мир в газели Хафиза может выступать как пространство, как нейтральная сущность, а также как активный и зложелательный деятель, вступающий в сложные отношения с человеком. На этом строятся многочисленные метафоры, передающие представления о свойствах мира. В докладе предлагается рассмотрение некоторых из таких метафор.

Leyli G. Lahuti
(ИБ ПАН)

The earthly world in the *ghazals* of Hafiz

Keywords: Persian poetry; Hafiz; earthly world and future world

According to the medieval Persian tradition, the Universe consists of two worlds – “this”, i.e. the earthly one, and the “other world”, the world of hereafter where a person ends up in the future life. There are six partial synonyms that denote the created world (figures in the brackets indicate the number of occurrences of the word in the *Diwan*): *dahr* (14), *jahān* (154), *‘ālam* (56), *kawn* (8), *gītī* (7), *dunyā* (19). Of these *dahr* has the broadest meaning. It covers the entire Universe, including the material world, as well as time without beginning before now (*azal*) and endless time after now (*abad*) as opposed to limited time intervals. The *dunyā* has the narrowest meaning, it signifies only the lower world in both senses, literal and figurative. In the literal sense it constitutes the space between the lower celestial sphere and the surface of the earth, while in the figurative sense it means that the world has a vile and base nature. This is where the common phrase *dunyā-yi dūn*, the low and despicable world, comes from. The other four words also can denote the other ‘future’ world, when used in conjunction with determiners ‘other’ or ‘that’.

The world in Hafez’s *ghazals* can take on several, in some ways contradictive, roles. It can represent space, it can act as a neutral entity, or as an active malevolent agent that enters into a complicated relationship with human beings. This forms a basis for numerous metaphors which in turn convey views on the world’s characteristics/properties. The paper will offer an examination of some of these metaphors.

С. В. Лахути
(ИВ РАН, РГГУ)

Апелляции к Богу в формальной рамке писем из *Шахнаме* Абулькасима Фирдоуси

Ключевые слова: эпистолярная коммуникация; опосредованная коммуникация; Фирдоуси; *Шахнаме*; апелляция к Богу

Послания, которыми обмениваются персонажи *Шахнаме* Фирдоуси (X–XI вв.), нередко предваряются начальной частью традиционной формальной рамки письма или некоторыми из ее элементов — приветствием, благопожеланием адресату и др. Самым частотным из таких элементов является апелляция к Богу, она наличествует в первую очередь в письменных посланиях. Именно эта часть обычно открывает формальную рамку (исключением может стать только адресная часть, *унван*). Апелляция к Богу включена в формальную рамку приблизительно семидесяти посланий в поэме.

Этот элемент формальной рамки вводится разными способами. Так, может указываться, что в начале письма адресант восхвалил Бога, но текст при этом не приводится. Например: «В начале письма было восхваление Бога». Однако чаще после такого упоминания вводится уже непосредственно текст восхваления, так что граница между текстом самого послания и остальным текстом поэмы несколько размывается: «В первых строках хвалу воздал / Тому Справедливому, который мир сотворил: // От Него радость, от Него сила...» (в издании оригинала знаки пунктуации и заглавные буквы отсутствуют). Возможен и другой вариант, когда сначала приводится «краткое содержание» формальной рамки, а дальше уже идет собственно текст названных частей: «Письмо написал деду / О войне, хитростях и

уловках. // Восхвалил Творца, / а затем упомянул славного шаха: // Благодарение Владыке мира победоносному, / от которого сила и доблесть <...> Теперь [царю] Фаридуну да будет от Него благословение...». Как можно видеть уже из этих примеров, апелляция к Богу может включать воспевание деяний и свойств Бога, а может переходить в выражение благодарности за дарованные Им блага. «Блага» при этом могут быть разного свойства — как помощь самому адресату, так и нечто, дарованное всему человечеству.

Специфика этого блока формальной рамки также видна в связях с другими ее частями.

Sofia V. Lahuti
(RSUH; IOS RAS)

Invocation of God in the formal structure of letters in Ferdowsi's *Shah-nameh*

Keywords: epistolary communication; mediated communication; letters; Ferdowsi; *Shah-nameh*; invocation of God

The messages that are circulating between the characters in Ferdowsi's *Shah-nameh* (10th–11th cent.) often follow the traditional formal structure with the introductory part including such elements as blessings for the addressee, greetings, etc. The element most commonly found in said introductory part is the invocation of God, which is found almost exclusively in written messages.

It is this part which opens the letter (the only possible exception being the *unwan*, i.e. the superscription). The invocation of God is included in the formal structure of approximately 70 letters in the poem.

Invocations are introduced in several ways. They could be simply mentioned at the beginning of the letter, but without mentioning the contents. For example, “In the beginning of the letter was praise to God”. There are, however, more examples in which the reference is followed by the text of invocation itself. In cases like this the boundary between the text of the letter and the rest of the poem becomes slightly blurred, e.g., “In the first lines [he] praised The Just, who created the world // He gives joy, He gives power <...>” (the publication of the original text does not have capital letters and punctuation.) Another scenario is possible, when a short ‘summary’ of the introductory part is followed by its actual contents, as we can see in this example: “[He] wrote a letter to the grandfather / about the war, arts and wiles. // [He] praised the Creator / and then he mentioned the glorious shah: // Thanks be to the victorious Sovereign of the World, / from whom comes power and valour <...> And now let there be a blessing from Him to [king] Faridun” These examples show that an invocation can directly address God’s deeds and qualities, or morph into an expression of gratitude for everything that was granted by Him. The latter can vary from much needed aid to the addressee to things granted to humanity in general.

The specificities of this element of the epistolary formal structure also manifests itself in its relations with other elements.

Н. Р. Лидова
(ИМЛИ РАН)

Акватическая терминология в космогонических гимнах *Ригведы*

Ключевые слова: акватическая терминология; вода; первоматерия; космогония; *Ригведа*; генезис; *амбхас*; *салила*

Происхождение мира из единой первоматерии, формой которой нередко выступает такое природное начало как вода, известно многим древним традициям, к числу которых принадлежит и ведийская культура. Древнейшим индийским памятником, сохранившим мифологему о возникновении вселенной из воды, является *Ригведа*. В докладе будут рассмотрены два наиболее редких понятия из акватической терминологии этого памятника, а именно, *амбхас* (*ámbhas*), встречающийся только в одном космогоническом гимне *Ригведы* и *салила* (*salilá*), упоминаемая в гимнах пять раз. Анализ соответствующих контекстов позволил сформулировать гипотезу о том, что данные термины использовались как наиболее специальное обозначение той первородной водной среды, которая служила основой для построения мира. Представляя собой неодушевленные сущности, понятия *амбхас* и *салила* обозначали все же нечто более сложное, нежели инертная и косная первоматерия и наделялись качествами, отражающими порождающую способность бытия. По сути, с их помощью обозначились те различные ассоциирующимися с женской креативностью свойства, благодаря которым мир наполнялся жизнью, в нем появлялись одушевленные воды (*āro devīḥ*) и зарождалось первое поколение богов. Особое внимание в докладе будет уделено физическим свойствам этой первородной стихии. Как

свидетельствуют соответствующие космогонические контексты, с помощью терминов *амбхас* и *салила* в Ригведе обозначалась не текущая и жидкая форма воды, а скорее изначальная влажность, своего рода сумеречная мгла, распыленная в виде густого тумана.

Natalia R. Lidova

(Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences)

The Aquatic Terminology in the Cosmogonic Hymns of the *Rgveda*

Keywords: aquatic terminology; water; prime matter; cosmogony; *Rgveda*; genesis; *ám̐bhas*; *salilá*

The origin of the world in a primordial matter, most commonly water, is known to many ancient traditions, Vedic culture included. The *Rgveda* is the oldest Indian source that employs the mythologem of the origin of the universe from water. This paper offers an in-depth analysis of two very special concepts forming part the aquatic terminology used in *Rgveda*, namely, *ám̐bhas*, occurring only in one cosmogonic hymn, and *salilá*, mentioned five times in several hymns. The overall investigation of the contexts of use offers enough ground to formulate a hypothesis that these terms were used as very specific designation of the primordial aquatic medium, which served as the basis for the construction of the world. At the same time, while defining inanimate entities, the concepts of *ám̐bhas* and *salilá* denoted something more complex than merely the inert and cosmic prime matter since they were clearly endowed with additional meanings reflective of the procreative capacity of being. In essence, they signified various properties associated with female creativity and fertility that filled the world with life, gave rise to animate waters (*āpo devīḥ*)

and birth to the first generation of gods. Special attention is going to be paid to the descriptions of the physical properties of this primordial element. As the relevant cosmogonic contexts indicate, the terms *ámbhas* and *salilá* in the Ṛgveda did not denote the flowing and liquid form of water, but rather the primordial moisture, a kind of twilight haze, dispersed in the form of dense mist.

З. А. Магомедова

(ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

**Арабоязычное эпистолярное наследие Дагестана
XVIII – начала XX вв. как исторический источник**

(по материалам Фонда восточных рукописей
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского
центра РАН)

Ключевые слова: эпистолярные источники; Кавказ;
Дагестан; арабский язык; письма

В Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН хранится около пяти тысяч эпистолярных документов. Все письма начинаются со слов благопожелания или *басмалы* и написаны на российской или европейской бумаге фабричного производства кавказской разновидностью *насха*, но встречаются также элементы почерков *та'лик* и *наста'лик*. Удостоверяющие документ печати проставлены как на лицевой так и на оборотной стороне писем и содержат характерные для той эпохи палеографические особенности арабского письма на Кавказе. Очень часто письма использовались повторно, то есть на обороте могло быть ответное послание адресанту или совершенно другое послание к другому адресату. Поскольку письма в дальнейшем часто использовались как закладки в рукописях, очень часто, помимо основного текста, на письмах делались выписки из сочинений средневековых авторов и местных дагестанских.

Характерной особенностью этих эпистолярных документов является использование тропеических средств — метафор, сравнений и т. д. Деловые же письма отличаются лаконичностью изложения. Здесь лишь указаны имена адре-

санта и адресата и изложена проблема без какой-либо поэтической окраски.

Эпистолярное наследие XVIII – начала XX в. следует рассматривать как уникальный источник исторических сведений, содержащий неоценимую по степени значимости информацию о жизни и взаимоотношениях различных слоёв населения. Именно это наследие позволяет реконструировать историю повседневности, прояснить определенные аспекты психологии и мировосприятия человека в разные исторические периоды.

Zeynab A. Magomedova

(Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala)

**Arabic epistolary heritage of Dagestan
of the 18th – early 20th cent. as a historical source**
(based on the materials of the Oriental Manuscripts Fund
of the Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences)

Keywords: epistolary sources; Caucasus; Dagestan; Arabic language; letters

About five thousand epistolary documents are kept in the Collection of Oriental Manuscripts of the IHAE of the RAS. All letters begin with the words of benevolence or *basmala* and are written on Russian or European factory-made paper with the Caucasian variety of *naskh*, but there are also elements of *ta'lik* and *nasta'lik* handwriting. The seals certifying the document are affixed both on the front side and on the backs of the letters and contain paleographic features of Arabic writing characteristic of that era in

the Caucasus. Very often letters were reused, that is, on the back a reply message to the sender or a completely different message to another addressee could be found. Insofar as the letters were later often used as bookmarks in manuscripts, one can find in the margins extracts from various works of both medieval and local Dagestani authors.

A characteristic feature of these epistolary documents is the use of tropic means, such as metaphors, comparisons, etc. Business letters are characterized by conciseness of presentation. They contain only the names of the sender and the addressee and the presentation of the problem without any poetic coloring.

The epistolary heritage of the 18th – early 20th cent. should be considered as a unique historical data source, a goldmine of information about the life and relationships in various social strata. It is this heritage that allows us to reconstruct the history of everyday life and to throw light to some aspects of human psychology and worldview in different historical periods.

Д. В. Микульский
(ИВ РАН)

Первый алжирский академический арабист Мухаммад Бен Шенеб (1869–1929) и его очерк о XVII конгрессе востоковедов в Оксфорде (1927 г.): от традиционной учености к научному знанию

Ключевые слова: арабистика в Алжире; арабская литература *рихла*; всемирные конгрессы востоковедов; М. Бен Шенеб

И французская, и алжирская арабистические школы вправе гордиться Мухаммадом Бен Шенебом (1869–1929), знатоком и носителем родной алжирской культуры, традиции *адаба* и, одновременно, обладателем академических знаний в этой области. Важной сферой его работы была просветительская работа. Свои статьи М. Бен Шенеб писал и печатал по-арабски в периодических изданиях, выходявших как в самом Алжире, так и в других странах арабского мира.

Статья, легшая в основу настоящего сообщения, была опубликована в ноябре 1928 г. в журнале *аш-Шихаб* «Светильник», издававшегося в Алжире Ассоциацией мусульманских улемов. Она носит характерное заглавие «Семнадцатый конгресс востоковедов, проходивший в городе Оксфорде в Стране англичан» (*Му'тамар ал-мусташиркин ас-саби' 'ашар ал-мун'акад фи мадинат Уксфурд би-билад ал-инглиз*). В ней М. Бен Шенеб знакомит читателя с городом, где ему довелось побывать, и его «диковинами» — христианскими храмами, университетом, а также собраниями рукописей и прочих «редкостей». Далее он рассказывает о секциях, в рамках которых работал конгресс, и о наиболее интересных докладах. Стилистика статьи роднит ее с традиционными сочинениями в жанре *рихла*: в них автор, оказав-

шийся в дальних странах, лицезреет невиданные чудеса и встречается с удивительными людьми. Избранная Бен Шенебом манера вполне естественна — ведь его статье надлежит быть понятной читателям журнала *аш-Шухаб*, алжирцам-мусульманам, свято берегущим основы исконной алжирской культуры, но в то же время не чурающимся современных знаний об окружающем их мире.

Сам М. Бен Шенеб выступил на конгрессе с сообщением об андалусском враче и стихотворце XIV в. Абу Хатиме. Хотя доклад прозвучал по-французски, сам автор был облачен в традиционные алжирские одежды, а манера его выступления носила исконно-арабский, красноречивый и выразительный характер. Так что и облик М. Бен Шенеба, и его речь изобличали в нем человека двух культур и двух школ знания.

Dmitri V. Mikulski

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

The first Algerian academic Arabist, Muhammad Ben Cheneb (1869–1927): from traditional scholarship towards academic knowledge

Keywords: Arabic studies in Algeria; Arabic *Rihla* literature; World Orientalists' Congresses; M. Ben Cheneb

Both the French and Algerian schools of Arabic studies may be proud of a prominent figure: the first academic Arabist from among the native Algerians, Muhammad Ben Cheneb (1869–1929). A connoisseur and bearer of his native Algerian culture and the Adab tradition, M. Ben Cheneb was at the same time the holder of academic knowledge in the field. An important area of work the Algerian scholar was engaged in was educational

activity. M. Ben Cheneb wrote and edited popular science articles in Arabic in periodicals published both in Algeria and in other Arabic-speaking countries.

The paper discusses the article published in November 1928 in the Algerian magazine *al-Shihab* (The Lamp), edited by the Association of Muslim Ulema. The article bears the title "The Seventeenth Congress of Orientalists, Held in the City of Oxford in the Land of the British" (Mu'tamar al-mustashrikin al-sabi' 'ashar al-mun'akad fi madinat Uksfurd bi-bilad al-ingliz), characteristic of the Arab educational opus. M. Ben Sheheb introduces the reader to the city he happened to visit and its "curiosities"—Christian churches, the university, as well as collections of manuscripts and other "rarities". Further on, he describes in detail the sections in which the congress worked and the most interesting reports. The style of the paper reveals its similarity with traditional compositions in the *Rihla* genre: a traveller who finds himself in distant countries contemplates unprecedented miracles and meets amazing people. Such a manner, chosen by M. Ben Sheneb, is quite natural because his paper should be intelligible to readers of the magazine *al-Shihab*, religiously minded Algerians who sacredly cherish the foundations of Algerian culture but do not shy away from modern knowledge about the world around them.

At the congress, the Algerian Arabist spoke about Abu Katim, an Andalusian doctor and poet of the 14th cent.. Although the author spoke in French, he was dressed in traditional Algerian attire, and the manner of speaking was originally Arabic, extremely eloquent and expressive. So both the appearance of M. Ben Sheneb and his speech exposed him as a man of two cultures and two schools of knowledge.

Д. Е. Мишин
(ИВ РАН)

**Ещё одна параллель между Библией
и арабской литературой Средневековья**

Ключевые слова: Нафан; царь Давид; доисламская Аравия;
Абу Ригаль

Рассказанная, согласно ветхозаветному тексту, мудрецом Нафаном царю Давиду история о богаче, который отобрал у бедняка единственную, любимую им овечку (2 Царств, 12, 1–6), имеет некоторые параллели в мусульманской литературе Средневековья. В источниках до нас дошли рассказы об Абу Ригале, который, обладая властью над одной общиной арабов, отобрал у них единственную овцу или козу, что привело к смерти ребёнка, которого кормили её молоком. Сопоставление текстов источников, в которых встречаются эти рассказы, показывает, что арабские легенды воспроизводят именно мотив неправомерного отъёма последнего имущества, единственного источника жизни, а не библейский сюжет. Неправомерность такого отъёма подчёркивается тем, что в источниках он приписывается Абу Ригалю, который обычно выступает в качестве злодея. Предположительно история об отобранной единственной овце была заимствована арабами у евреев ещё в доисламское время. В арабском культурном кругу она была переработана за счёт включения в неё деталей, делавших её ближе арабскому слушателю.

Dmitry E. Mishin
(IOS RAS)

**Another Parallel Between the Bible
and Mediaeval Arabic Literature**

Keywords: Nathan; King David; pre-Islamic Arabia; Abū Righāl

The Old Testament legend of a rich man who seized a poor man's only beloved ewe lamb, which Nathan told King David (2 Samuel 12, 1–6), has parallels in mediaeval Muslim literature. Islamic sources contain stories of Abū Righāl, who, having authority over a community of Arabs, seized their only sheep or she-goat, which led to the death of a child fed by the animal's milk. A comparison of those stories suggests that Arabic legends reproduce the motive of an unlawful seizure of the last property, which is the only source of survival, rather than the Biblical story. The unlawfulness of such a seizure is stressed by the fact that it is attributed to Abū Righāl, who usually appears in mediaeval Islamic literature as an evildoer. The story of the only sheep seized appears to have passed from Jews to Arabs in pre-Islamic times. It was considerably reworked in the Arabic cultural milieu, supplemented with a number of details that made it more familiar to the Arab audience.

Е. Л. Никитенко
(ИКВиА НИУ ВШЭ)

Стратегии культурной апроприации в современном иранском детективе

Ключевые слова: современная литература Ирана; массовая литература; детектив; культурная апроприация; жанр

Жанр детектива не получил широкого распространения в современной персидской литературе. Это явление отмечают и литературоведы, и иранские писатели и издатели; обсуждаются причины, по которым, несмотря на обилие переводных детективов, среди иранских авторов этот жанр не пользуется популярностью. Предпринимаются и попытки заполнить этот «пробел» — стимулировать создание оригинальных иранских детективных романов. Так, например, издательство «Чешме» в 2017 г. инициировало издание серии «Черный стеллаж», в которой публикуются детективы, криминальные, мистические и психологические триллеры. В последнее десятилетие в Иране появилось около двух десятков произведений, которые можно, пусть иногда с натяжкой, отнести к детективной литературе.

В докладе на примере трех иранских романов будут рассмотрены различные особенности переноса детективного романа на иранскую почву и способы придания произведению национального колорита.

Каве Мир-‘Аббаси в романе «“Син”, как в имени “Судабе”» (2017) обращается к иранскому национальному эпосу — насыщает свое повествование отсылками к *Шахнаме* Фирдоуси. Также использует наследие массовой литературы Ирана третьей четверти XX в.: вводит в повествование героя-«лутти», городского малообразованного хулигана.

Рази́е Анса́ри в своем романе «Женщина с жемчужной брошкой» (2017) переносит действие в один из ключевых периодов иранской истории — эпоху конституционного движения (первая четверть XX в.), эпоху яростного противостояния традиции и современности, и включает в число действующих лиц знаменитых поэтов и борцов за свободу — Ираджа Мирзу и ‘Арефа Казвини.

Мехранд Морад в романе «Азбука смерти» (2017) обращается к стратегии, характерной для иранских детективных телесериалов: стремится правдоподобно изобразить работу иранской полиции.

Evgeniya L. Nikitenko
(IOCS NRU HSE)

Strategies of cultural appropriation in contemporary Iranian detective fiction

Keywords: narrative of martyrdom; autobiographical narrative; self-testimonies of individuals; Iran; 20th cent.

The detective genre is not widespread in contemporary Iranian fiction, despite the abundance of translated detectives. Literary scholars, as well as Iranian writers and publishers, give their attention to this problem and discuss the reasons for this phenomenon. Attempts are also being made to fill this “gap” by stimulating the creation of original Iranian detective novels. For example, Cheshmeh Publishing House invited Iranian authors to contribute to its “Black Bookshelf” series for detectives, crime, mystery, and psychological thrillers. In the last decade, about two dozen works that can be categorized as detective literature, albeit with a stretch, were published in Iran.

This paper will examine different strategies of appropriation of the detective novel in Iran and the attempts to give it a national flavor. Three novels, all published in 2017, will be analyzed for this purpose.

Kaveh Mir-‘Abbasi embedded his novel “‘Sin’ like in ‘Sudabeh’” with references to Ferdowsi's *Shah-nameh*. He also used some features of Iranian popular literature published during the third quarter of the twentieth century. For example, he introduced luti, an uneducated hooligan, as the main character of his novel.

Razieh Ansari chose a historical setting for her novel “A Woman with a Pearl Brooch”. She moved the action to one of the key periods of Iranian history, the period of the constitutional movement. She also included the famous poets and advocates of freedom Iraj Mirza and ‘Aref Qazvini in the protagonists group.

Mehrdad Morad’s novel “The ABC of Death” (2017) adopted a strategy characteristic of Iranian detective television series: it sought to realistically portray the work of the Iranian police.

Н. Нуров

(ХГУ им. Б. Гафурова, Худжанд, Таджикистан)

Редкая рукопись комментария к *Дивану* Бедия и ее роль в осмыслении взглядов поэта

Ключевые слова: Бедиль; рукопись; *диван*; комментарий; газель; библиотека Ганджбахш

Доклад посвящен исследованию одного из редких письменных экземпляров рукописи «Комментарий Бедия», которая хранится в библиотеке Ганджбахш Пакистана под номером 8717. Об этой рукописи известно только, что она была написана в пятницу, 27 месяца Раби^у ул-аввал 1327 г.х.. Из этого явствует, что, хотя ее автор и неизвестен, это один из первых комментариев, написанных к дивану газелей Мирзо Абдулкадира Бедия после его смерти, и считается одним из классических комментариев.

Комментарий включает в себя газели, из *Дивана* Бедия с *редифом* 'алиф'. Данная рукопись имеет большое значение для восприятия смысла газелей Бедия. В ходе своей работы автор комментария, наряду с комментированием содержания стихов, также интерпретировал некоторые философско-мистические термины, которые важны для понимания общего смысла его стихов.

Хотя таджикские учёные, профессора Абдулманнон Насриддин и Бобобек Рахими, сообщали о существовании ещё одной версии комментария на Бедия, написанного Сибгатуллой Хайоли, и включающего также стихи поэта, но до последних лет точных сведений об этой версии не было. Однако 12 лет назад иранский исследователь Саид Абдулризо Мусавии Табари дал краткую информацию о существовании этого комментария в своей книге *Муханнадот* «Индоведе-

ние» и подготовил текст к изданию комментария к первым двум газелям.

В данном докладе впервые подробно представлена письменная версия комментария *Дивана* Бедили, установлена его ценность и значение в познании поэзии этого знаменитого поэта индо-персидской литературы.

Nurali Nurov

(the B. Gafurov Khujand State University, Tajikistan)

A rare manuscript of a commentary on Bedil's *Divan* and its role in comprehending the poet's views

Keywords: Bedil; manuscript; *divan*; commentary; *ghazal*;
Ganjbakhsh library

The paper is devoted to the study of one of the rare manuscript copies of the “Commentary on Bedil” stored in the Ganjbakhsh Library of Pakistan under number 8717. It is only known that the manuscript was written on Friday, the 27th of the month of *Rabi‘ ul-Awwal* 1327 AH. It is therefore clear that, although its author is unknown, this is one of the first commentaries on the “Diwan of ghazals” by Mirzo Abdulkadir Bedil written after his death considered one of the classic commentaries.

The commentary includes *ghazals* from Bedil’s *Divan* with the *radif‘alif*. This manuscript is of great importance for understanding the meaning of Bedil’s *ghazals*. In the course of his work, the author of the commentary, along with commenting on the content of the poems, also interpreted some philosophical and mystical terms important for understanding the general meaning of his poems.

Although Tajik scholars, professors Abdulmannon Nasriddin and Bobobek Rahimi, reported the existence of another version of the commentary on Bedil, written by Sibgatullah Hayoli and also including the poet's works, until recent years there was no exact information about this version. However, 12 years ago, Iranian researcher Said Abdulrizo Musavii Tabari gave brief information about the existence of this commentary in his book *Muhannadot* "Indian Studies" and prepared the text for the publication of a commentary on the first two *ghazals*.

This report for the first time presents in detail the written version of the commentary on Bedil's *Divan*, establishing its value and significance in the knowledge of the poetry of this famous Indo-Persian poet.

В. В. Понарядов

(ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар)

Как Ибн Хузайл использовал книгу Ибн Ахи Хизама

Ключевые слова: средневековая арабская литература;
военные трактаты; рецепция текстов

Живший в XIV в. ‘Али б. ‘Абд ар-Рахман б. Хузайл ал-Андалуси (далее Ибн Хузайл) является автором, пожалуй, наиболее известного из средневековых арабских военнотехнических сочинений, посвященных индивидуальной подготовке мусульманского воина. Его книга *Хилйат ал-фурсан ва ши‘ар аш-шудж‘ан* «Украшение всадников и девиз храбрецов» доступна во французском и испанском переводах, которые подготовили Л. Мерсье (1924 г.) и М. Х. Вигера (1977 г.); на русский язык обладающие художественной ценностью отдельные отрывки из нее (не касающиеся, правда, технических аспектов военного дела) перевела Б. Я. Шидфар, и они были изданы в 1985 г. в составе сборника «Средневековая андалусская проза». При написании своего произведения Ибн Хузайл опирался на самое раннее арабское сочинение подобного рода — книгу *Китаб ал-фурусийа ва-л-байтара*, которую составил еще в IX в. служивший начальником конюшен у аббасидских халифов Мухаммад б. Йа‘куб б. Ахи Хизам ал-Хуттали (далее Ибн Ахи Хизам). Кое-где Ибн Хузайл прямо ссылается на Ибн Ахи Хизама, но гораздо чаще влияние последнего проявляется в не сопровождаемых ссылками текстуальных совпадениях. Ибн Хузайл не одинок в опоре на Ибн Ахи Хизама, обширные заимствования из книги которого встречаются и у многих других мусульманских авторов, писавших о военном деле в XIII–XVI вв. Но в отличие от них, Ибн Хузайл не просто

вставляет в свою книгу почти неизменные цитаты из сочинения Ибн Ахи Хизама, а часто подвергает их существенной смысловой переработке. Сравнение текстов Ибн Хузайла и Ибн Ахи Хизама позволяет сделать некоторые выводы относительно ее причин. Порой оказывается, что воинские приемы, о которых пишет Ибн Ахи Хизам, ко времени Ибн Хузайла устарели. По этой причине Ибн Хузайл заменяет их на более для его эпохи актуальные. Не меньший интерес представляют случаи, когда Ибн Хузайл отходил от текста Ибн Ахи Хизама, потому что сталкивался с объективными трудностями при интерпретации его описаний.

Vadim V. Ponaryadov

(Komi Scientific Centre of Ural Division, RAS)

How Ibn Hudhayl used Ibn Akhi Hizam's book

Keywords: mediaeval Arabic literature; military treatises; reception of texts

‘Ali b. ‘Abd al-Rahman b. Hudhayl al-Andalusi (14th cent.) is the author of probably the most famous of the mediaeval Arabic military treatises describing the individual training of a Muslim knight. His book *Hilyat al-fursan wa shi‘ar al-shudj‘an* "The ornament of the knights and the sign of the braves" is available in French and Spanish translations, which were made by L. Mercier (1924) and M. J. Viguera (1977);, some of its fragments of great literary value, although containing no description of technical aspects of military affairs, were translated into Russian by B. Shidfar and published in 1985 in the collective volume "Mediaeval Andalusian prose literature". In writing his work, Ibn Hudhayl based himself on the earliest Arabic treatise of this kind, the book *Kitab al-furusiyya wa-l-baytarah*, which was written in the 9th

cent. by *Muhammad b. Ya'qub b. Akhi Hizam al-Huttali*, who served as the stable master for the Abbasid Caliphs. Sometimes Ibn Hudhayl directly points to Ibn Akhi Hizam as his source, but much more often the influence of the latter is manifested in textual coincidences without references. Ibn Hudhayl is not unique in basing himself on Ibn Akhi Hizam, since many other Muslim authors writing on military affairs in the period of the 13th–16th cent. also made extensive borrowings from this author's book. But, unlike them, Ibn Hudhayl not only inserts into his book almost unchanged citations from Ibn Akhi Hizam's treatise but often considerably changes their meanings. A comparison of Ibn Hudhayl's and Ibn Akhi Hizam's texts allows us to come to some conclusions concerning the reasons for such changes. By Ibn Hudhayl's time, some practices described by Ibn Akhi Hizam had become outdated, and therefore Ibn Hudhayl changed them for more modern ones. But of no lesser interest are the cases where Ibn Hudhayl deviated from Ibn Akhi Hizam's text because he faced objective difficulties in the interpretation of his descriptions.

Н. И. Пригарина
(ИВ РАН)

**Проблемы филологического перевода
классической персидской поэзии**

Ключевые слова: Хафиз; газель; байт; перевод; комментарий; лирический персонаж

Полный, прозаический, комментированный перевод газелей Хафиза (1315–1389) был задуман и предпринят в Отделе памятников письменности народов Востока ИВ РАН впервые в 1994 году. Первый этап был завершен в 2001 году и представлял собой перевод 495 газелей с частичным комментированием на основании рукописи Гани–Казвини, переводчики: Н.Ю. Чалисова, Н.И. Пригарина, М.А. Русанов.

Представленный доклад посвящен вкладу нашего коллектива в формирование концепции перевода. Переводчики руководствовались этой концепцией в последующей *двадцатилетней* работе над изданием перевода *двухсот первых газелей Дивана Хафиза*.

Прежде всего была принята концепция *филологического* перевода и сформулирован ряд условий: а) не *вчитывать* традицию русской поэзии в перевод газели; б) не строить перевод как *интерпретацию* смысла, отказаться от подхода к газели в духе суфизма; в) учитывать, что газель отчасти взяла на себя функции придворной *касыды*.

Важную роль сыграла установка, предложенная М.А. Русановым и Н.Ю. Чалисовой, на изменение традиционного понимания лирики Хафиза как любовного послания, обращенного к возлюбленной. За признанием придворного характера газели Хафиза последовала необходимость смены адресата послания. Репертуар включал адресатов от воспе-

ваемого правителя или другого представителя власти, духовного наставника — до любимого друга или иной возлюбленной персоны. Из-за отсутствия грамматического рода в персидском языке женский адресат отражался в переводе только при прямых указаниях в тексте или при аллюзии на известные исторические факты.

Последующие годы работы над филологическим переводом и изданием перевода газелей 1–200 доказали творческий потенциал этих установок. Произошла определенная переориентация гендерной составляющей газели; возникли дополнительные коннотации в комментариях к бейту; расширилось понимание связности бейтов в свете проблемы дезинтеграции газели.

Natalia I. Prigarina
(IOS RAS)

Philological Translation of Classical Persian Poetry

Keywords: Hafiz; *ghazal*; *bayt*; translation; commentary; lyric person

A complete, prosaic, annotated translation of the Hafiz's *ghazal* (1315–1389) was conceived and undertaken at the Department of Written Sources of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences in 1994 for the first time. The first stage was completed in 2001–2002 and represented a translation of 495 *ghazals* based on the manuscript of Gani–Qazvini with a partial commentary.

The subsequent translation of 200 *ghazals* was performed by N.Yu. Chalisova, N.I. Prigarina, and M.A. Rusanov.

This report highlights our collective contribution to the concept of translation.

First of all, we gave a definition of the genre of our translation as philological.

At the same time several important principles were also formulated: a) to refrain from transferring the tradition of Russian poetical renderings into our translation of a *ghazal*; b) to keep apart the translation and interpretation of the meaning (specifically, with regard to Sufi interpretations); c) to consider that at the time of Hafiz the *ghazal* partly took over the functions of the court *qasida*.

M.A.Rusanov and N.Yu. Chalisova insisted that the traditional understanding of Hafiz's lyrics as a love message addressed to a female beloved should be revised. The recognition of the court nature of Hafiz's *ghazal* demanded a different perception of the message's addressee. As a result, addressees of *ghazal* would turn out to be male characters – a glorified ruler or other representatives of power, a spiritual mentor, or a beloved friend. Due to the absence of grammatical gender in Persian, the translators resorted to feminine only following direct indications in the text or allusions to the known historical facts.

Twenty years of work on the philological translation and subsequent publication of the commented translation of *ghazals* #1–200 proved the creative potential of the proposed approach. As a result, the gender aspect of the *ghazal* was partly reconsidered; additional connotations were highlighted in the comments to the *bayt*; the understanding of the connectedness of the *bayts* was expanded.

М. Л. Рейснер
(ИСАА МГУ)

**Пророческие чудеса (*му‘джизат*)
в мотивах и сюжетах персидской поэзии
(XI–XV вв.)**

Ключевые слова: доисламская арабская поэзия; магия; чудеса в Коране; персидская классическая поэзия; чудеса в поэзии

В мусульманской религиозной традиции, восходящей к Корану и хадисам, противопоставляются два типа сверхъестественных явлений. Одни были связаны с магией (*сихр*), практиковавшейся в среде племенных поэтов-*ша‘и*ров и порицались. Другие, называемые *му‘джизат*, совершались с произволения Аллаха пророками и служили доказательством их избранности. О них рассказано в Коране, хадисах, комментаторской литературе, в том числе в «Историях пророков» (*Кисас ал-анбийа*).

Как разные типы заимствований тема чудес вошла во все жанры персидской классической поэзии: в *касыду* и *газель* — как клишированные мотивы («дыхание ‘Исы», «посох Мусы», «длань Мусы», «рубашка Йусуфа» и др); в *маснави* — как элемент сюжетной конструкции, мотивирующей ход событий. Персонажами повествований, совершающими подобные чудеса, могут выступать либо сами коранические пророки (Мухаммад в поэме «Варка и Гульшах» Аййуки — XI в., Йусуф в поэме «Йусуф и Зулейха» Джамии — XV в.), либо те, которым традиция приписывает обретение пророческого статуса (Искандер в *Искандер-наме* Низами — XII в.).

Marina L. Reysner

(IAAS MSU)

Prophetic miracles (*muʿjizat*) in Persian poetic motifs and narratives (11th–15th cent.)

Keywords: Pre-Islamic Arab poetry; magic; miracles in the Qur'an; Persian Classic poetry; miracles in poetry

In the Muslim religious tradition which goes back to the Qur'an and hadiths, two types of supernatural phenomena are opposed. Some were associated with magic (*sihr*), which was practiced among tribal poets (*shu'ara*) and condemned. Others, called *muʿjizat*, were performed by the will of Allah by the prophets and served as proof of their chosenness. They were described in the Qur'an, hadiths and commentary literature, including the "History of Prophets" (*Qisas al-anbiya*).

As different types of borrowings, the theme of miracles was present in all genres of Persian Classic poetry: in *qasida* and *ghazal* as clichéd motifs (Isa's breath, Musa's staff, Musa's hand, Yusuf's shirt, etc.); in *mathnavi* as an element of plot construction that motivates the course of events. The heroes of the narratives performing such miracles can be either the Qur'anic prophets themselves (Muhammad in the novel "Varqa and Gulshah" by ʿAyyuqi – 11th cent., Yusuf in "Yusuf and Zulaikha" by Jami – 15th cent.), or those to whom tradition ascribed the attainment of a prophetic status (Iskander in Nizami's *Iskander-name* – 12th cent.).

В. А. Розов
(Востфак СПбГУ)

Термины общения с Богом в Коране и хадисах: эмотивный и контекстуальный анализ¹

Ключевые слова: Коран; молитва; *зикр*; эмотивность; идентичность

Описание взаимоотношений между Богом и человеком — одна из важнейших составляющих религиозной доктрины, что справедливо и для ислама. Настоящий доклад посвящен сопоставительному анализу контекстов использования ряда терминов, описывающих различные аспекты отношений между Богом и человеком, в Коране и хадисах. Для анализа были выбраны термины, обозначающие ритуальную молитву (*ṣalāt*), личную молитву (*du‘ā’*) и поминание Бога (*dhikr*, *dikr*), осуществляемое верующим вслух или мысленно. Эти термины описывают коммуникацию, направленную «снизу вверх» (от человека к Богу). Квантитативный анализ контекстов коранического словоупотребления показал неоднородность распределения этих терминов в тексте Корана относительно хронологии его ниспослания. Была изучена их роль в поддержании эмоционального контура и создании риторических средств, придающих убедительность кораническому тексту. Коран также подчеркивает апотропеические свойства молитвы, как личной, так и коллективной, и важность ее для определения идентичности верующего. Тексты хадисов, исследованные посредством методов качественного анализа, еще отчетливее показали роль молитвы и поминания Бога в осторожных практиках и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01046, <https://rscf.ru/project/22-28-01046/>.

формировании коллективной идентичности исламской уммы. Риторическая составляющая использования этих терминов выражена в хадисах слабее, чем в Коране, что отчасти обусловлено разной стилистической природой этих двух корпусов текстов. Также это позволяет сделать ряд наблюдений об эволюции значения и ценностного наполнения соответствующих терминов по мере сложения специфически исламского понятийного аппарата, а также кристаллизации и роста исламской общины.

Vladimir A. Rozov
(SPbSU, Oriental Faculty)

Terms of Communicating with God in the Qur'an and Hadith: an Emotive and Contextual Analysis¹

Keywords: Qur'an; prayer; *dhikr*; emotivity; identity

Description of the relationship between God and man is one of the most important components of religious doctrine, which is true for Islam as well. This report is devoted to a comparative contextual analysis of the use of some terms describing various aspects of the relationship between God and man in the Qur'an and Hadiths. The terms chosen for the analysis were ritual prayer (*ṣalāt*), personal prayer (*du'ā'*) and remembrance of God (*dhikr*, *dikr*) performed aloud or inwardly by a believer. These terms describe communication directed 'from below to above' (i. e. from man to God). Quantitative analysis of the contexts of Qur'anic word usage showed the heterogeneity of these terms distribution in the Qur'anic text with respect to the chronology of its

¹ The research was supported by Russian Science Foundation (project no. 22-28-01046, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01046/>).

revelation. Their role in maintaining the emotional frame and creating rhetorical devices that endows the Qur'anic text with eloquence has been studied. The Qur'an also emphasizes the apotropaic properties of prayer, both personal and collective, and its importance in defining the identity of a believer. The texts of the Hadith texts, studied through the methods of qualitative analysis, showed even more clearly the role of prayer and remembrance of God in protective practices and the formation of the collective identity of the Islamic *Ummah*. The rhetorical component of the use of these terms is less pronounced in Hadith than in the Qur'an, which could be explained by to the different stylistic nature of these two corpora of texts. It also allows us to make a number of observations about the evolution of the meaning and significance of the corresponding terms as the specifically Islamic conceptual framework was being formed, along with the crystallization and growth of the Islamic community.

И. Р. Саитбатталов

(Уфимский университет науки и технологий, Уфа)

**О тюркоязычных текстах в собрании писем
Мухаммада Хасана Катилы¹**

Ключевые слова: литература Империи Великих Моголов; многоязычие; Мухаммад Хасан Катил; тюркские языки в Индии; чагатайский язык

Мирза Мухаммад Хасан Катил (1757/58–1818) — индийский интеллектуал, поэт и филолог, писавший на персидском языке. Известный прежде всего как автор сочинений по персидской поэтике, риторике и грамматике, Катил был также знатоком урду (им составлена часть первой грамматики этого языка), арабского и тюркского языков. Термин *тюркский* употребляется нами как соответствие оригинальному понятию *turkī*, которым пользовался сам автор.

Объём тюркоязычного наследия Катилы невелик. Это четвёртая часть трактата *Ār šarbat*, представляющая собой краткую тюркскую грамматику, одна сказка и два фрагмента — прозаический и поэтический — во введении к собранию его писем (*Ruq'āt-i Qatīl*). Учитывая, что *диван* Катилы не опубликован, не исключено расширение этого списка.

Ограниченное функционирование тюркских разговорных и литературных идиомов в Империи Великих Моголов поддерживалось иммиграцией из Центральной Азии и с Ближнего Востока и бытованием в среде иммигрантов в качестве семейного языка, однако случай Катилы исключителен: будучи новообращённым мусульманином, он не имел тюркских корней и, по-видимому, выучил язык специально.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01061 (<https://rscf.ru/project/23-78-01061/>).

Исследуемые тексты озаглавлены «Восхваление [пророка Мухаммада] на тюркском языке» (*Na't ba-zabān-i turkī*). Первый написан рифмованной прозой и посвящён перечислению достоинств пророка с особым акцентом на его превосходство над прочими людьми и исходящий от него особый свет (*nūr*), что соответствует ши'итским воззрениям Катилы. Второй представляет собой *kuṭ'a* на ту же тему из двух бейтов с попарной рифмовкой.

Язык тюркских произведений Катилы может быть однозначно охарактеризован как среднеазиатский (чагатайский), его лексика богата и не перенасыщена арабскими и персидскими заимствованиями, однако достаточно архаична. Автор использует усложнённый синтаксис, полностью соответствующий нормам живой тюркской речи. Всё это свидетельствует об знакомстве автора не только с письменной, но и с устной тюркской речью и о его ориентации на сравнительно ранние литературные образцы.

Iskander R. Saitbattalov

(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

**On the Turkic texts in the collection of letters
of Muhammad Hasan Qatīl¹**

Keywords: literature of the Mughal Empire; multilingualism; Muhammad Hasan Qatīl; Turkic languages in India; Chagatai language

Mīrzā Muhammad Hasan Qatīl (1757/58–1818) was an Indian intellectual, poet and philologist who wrote in Persian. Known primarily as the author of works on Persian poetics,

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01061, <https://rscf.ru/en/project/23-78-01061/>

rhetoric and grammar, Qatīl was also an expert on Urdu (he compiled part of the first grammar of this language), Arabic and Turkic languages. The term *Turkic* is used by us as a correspondence to the original concept of *turkī*, which was used by Qatīl himself.

The volume of Qatīl's Turkic-language heritage is rather meager. This is the fourth part of the treatise *Ār šarbat*, which is a brief Turkic grammar, one fairy tale and two fragments – prosaic and poetic – in the introduction to the collection of his letters (*Ruq'āt-i Qatīl*). Considering that the *dīwān* of Qatīl has not been published, it is possible to expand this list.

The limited functioning of Turkic colloquial and literary idioms in the Mughal Empire was supported by immigration from Central Asia and the Middle East and their existence among immigrants as a family language. However, the case of Qatīl is exceptional, since he, being a newly converted Muslim, did not have Turkic roots and learned the language on purpose.

The texts under study are titled “Praise [of the Prophet Muhammad] in Turkic” (*Na't ba-zabān-i turkī*). The first is written in rhymed prose and is dedicated to enumerating the virtues of the prophet with a special emphasis on his superiority over other people and the special light (*nūr*) emanating from him, which corresponds to the Shi'a views of Qatīl. The second is a *qit'a* on the same topic of two *bayts* with paired rhyming.

The language of the Turkic works of Qatīl can be unambiguously characterized as Central Asian (Chagatai), its vocabulary is rich and not oversaturated with Arabic and Persian loanwords, but rather archaic. The author uses a complicated syntax that fully complies with the norms of living Turkic speech. All this testifies to the author's acquaintance not only with written, but also with oral Turkic speech and his orientation towards relatively early literary samples.

О. А. Соколов, Н. А. Кижяева
(СПбГУ)

Перспективы применения метода сентимент-анализа для исследования арабоязычных исторических хроник¹

Ключевые слова: сентимент-анализ; образ другого;
арабская история; Крестовые походы.

Целью исследования является рассмотрение эффективности различных подходов к анализу арабоязычных исторических источников с использованием метода сентимент-анализа при помощи нейросетей. Нами был проведен анализ эмотивной окраски выборки контекстов в биографическом сочинении *Al-Nawādir al-sultāniyya wa'l-maḥāsin al-yūsufiyya* Ибн Шаддада (XII в.), посвященном Салах ад-Дину ал-Аййуби (1137-1193) при помощи алгоритмов CAMEL Tools: An Open Source Python Toolkit for Arabic Natural Language Processing (пакет программ на языке Python для обработки текстов на арабском языке, находящийся в свободном доступе) и Mazajak: An Online Arabic Sentiment Analyser (веб-интерфейс для сентимент-анализа). Были проанализированы контексты с лексемами и словосочетаниями: *naṣrānī* (христианин, христианский), *naṣārā* (христиане), *jihād* (джихад), *mujāhid* (муджахид), *Nur al-Dīn* (Нур ад-Дин), *al-ʿĀḍid* (ал-ʿАдид). Исследование показало эффективность алгоритмов для анализа определенных типов контекстов и выявило особенности текста источника, приводящие к неточностям в машинном определении эмотивной окраски рассматриваемых примеров.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № 22-28-01046, <https://www.rscf.ru/project/22-28-01046/>.

Oleg A. Sokolov, Natalia A. Kizhaeva
(SPbSU)

**Prospects for the application of the method
of sentiment analysis to the study of Arabic
historical chronicles¹**

Keywords: Sentiment Analysis; Image of the Other; Arab
History; Crusades

The purpose of the study is to evaluate the effectiveness of various approaches to the analysis of Arabic historical sources using the method of sentiment analysis using neural networks. We have analysed the emotive colouring of a selection of contexts in the biographical work *al-Nawādir al-sultāniyya wa'l-maḥāsin al-yūsufiyya* by Ibn Shaddad (12th cent.), dedicated to Salah ad-Din al-Ayyubi (1137–1193) using the algorithms CAMEL Tools: An Open Source Python Toolkit for Arabic Natural Language Processing (a public domain Python package for processing texts in Arabic) and Mazajak: An Online Arabic Sentiment Analyzer (a web interface for sentiment analysis). We analysed the contexts with the following lexemes and phrases: *naṣrānī* (Christian, Christian), *naṣārā* (Christians), *jihād* (jihad), *mujāhid* (mujahid), *Nur al-Dīn* (Nur ad-Din), *al-'Āḍid* (al-'Adid). The study showed the effectiveness of algorithms for the analysis of certain types of contexts and revealed the features of the source text that lead to inaccuracies in the automatic determination of the emotive colouring of the examples under consideration.

¹ The research was supported by the Russian Science Foundation (project no. 22-28-01046, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01046/>).

Д. М. Тимохин
(ИВ РАН)

**Мусульманские авторы XII – начала XIII в.
о миграции кочевых тюркских племен
восточного Дешт-и Кыпчака¹**

Ключевые слова: мусульманская историография; кочевые тюркские племена; Дешт-и Кыпчак; миграционные процессы; Центральная Азия

История миграции кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в XII – начале XIII вв. обладает сравнительно большой историографией и автор этого доклада написал по этому поводу несколько более ранних работ. Однако описание этих процессов в составе мусульманской историографии по-прежнему требует пристального внимания исследователей по целому ряду причин: далеко не все памятники XII – начала XIII вв., как исторического, так и историко-географического характера, предлагают актуальные сведения относительно миграции кочевых тюркских племен. В данном отношении, например, известное специалистам сочинение Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази *Таба'у' ал-хайаван* или *Джахан-наме* Мухаммада Наджиба Бакрана в большей степени представляют собой пересказ более ранних мусульманских авторов, чьи данные, в свою очередь, значительно устарели. Таким образом, чтобы реконструировать историю миграционных процессов внутри восточного Дешт-и Кыпчака и в сопредельных с ним регионах в XII – начале XIII вв., необходимо внимательно подойти к

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00659 «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (<https://rscf.ru/project/23-18-00659/>), ИЛИ РАН.

корпусу мусульманских сочинений этого времени и постараться отделить актуальные сведения от пересказа более ранних авторов. Кроме того, в рамках этого доклада мы стараемся обратить внимание на те памятники, которые сравнительно редко привлекаются специалистами по истории Центральной Азии в домонгольский период, однако содержат при этом ценные сведения о миграционных процессах, происходивших непосредственно в интересующий нас исторический период. В результате мы хотели бы показать, насколько подробно описаны миграции кочевых тюркских племен в XII – начале XIII вв. современниками этих событий, на какие факты они обращали особенно пристальное внимание и какие авторские комментарии были оставлены ими по этому поводу. Надеемся, что проблематика этого доклада окажется интересной как специалистам по мусульманской историографии домонгольского периода, так исследователям истории Центральной Азии и кочевых тюркских племен в XII – начале XIII вв.

Dmitry M. Timokhin

(IOS RAS)

**Muslim authors of the 12th – early 13th cent.
on the migration of nomadic Turkic tribes
of eastern Dasht-i Qipchaq¹**

Keywords: Muslim historiography; nomadic Turkic tribes; Dasht-i Qipchaq; migration processes; Central Asia.

¹ The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 23-18-00659 «The Turkic-Mongolian world of Central Asia: linguistic, historical, ethno-cultural processes in diachrony and synchrony» (<https://rscf.ru/project/23-18-00659/>), Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.

The history of migration of nomadic Turkic tribes of eastern Dasht-i Qipchaq in the 12th – early 13th cent. has a relatively large historiography and the author of this report wrote several earlier works on this subject. However, the description of these processes as part of Muslim historiography still requires the close attention of researchers for a number of reasons: not all monuments of the 12th – early 13th cent., both historical and historical-geographical, offer up-to-date information on the migration of nomadic Turkic tribes. For example, the work of Sharaf az-Zaman Tahir al-Marwazi, known to specialists, *Taba'ī' al-hayawan* or *Jahan-name* by Muhammad Najib Bakran, in this respect, is more a retelling of earlier Muslim authors, whose data, in turn, are significantly outdated. Thus, in order to reconstruct the history of migration processes inside the eastern Dasht-i Qipchaq and in the adjacent regions in the 12th – early 13th cent., it is necessary to carefully approach the corpus of Muslim writings of this time and try to separate the relevant information from the retelling of earlier authors. In addition, within the framework of this report, we will try to draw attention to those monuments that are relatively rarely attracted by specialists in the history of Central Asia in the pre-Mongol period, but at the same time contain valuable information about migration processes that took place directly in the historical period of interest to us. As a result, we would like to show with what degree of detail the migrations of nomadic Turkic tribes in the 12th – early 13th cent. were described by contemporaries of these events, what facts they paid particularly close attention to and what author's comments they left on this occasion. We hope that the problems of this report will be of interest to both specialists in Muslim historiography of the pre-Mongol period and researchers of the history of Central Asia and nomadic Turkic tribes in the 12th – early 13th cent..

М. В. Торопыгина
(ИВ РАН; ИКВиА НИУ ВШЭ)

**Особенности издания книг *мэйсё дзуэ*
«Иллюстрированный путеводитель по знаменитым
местам» Акисато Рито на рубеже XVIII–XIX вв.:
предисловия, заказанные аристократам,
и каллиграфические «заглавные знаки»**

Ключевые слова: ксилографическая книга; *мэйсё дзуэ*;
Акисато Рито; паратекст; предисловие; заглавные знаки

В 1780 г. литератор из Киото Акисато Рито (годы жизни неизвестны) издал сочинение, в название которого входил элемент *мэйсё дзуэ* 名所図会. Это словосочетание можно перевести как «изображения знаменитых мест», «иллюстрированный путеводитель по знаменитым местам», «иллюстрированный список знаменитых мест». Сочинение рассказывало о столице и называлось *Мияко мэйсё дзуэ* «Иллюстрированный путеводитель по знаменитым местам столицы», т.е. города Киото; художником был Такэхара Сьунтёсай. Дальше последовали новые книги, сделанные как в соавторстве с Такэхара Сьунтёсай, так и с другими художниками.

Мэйсё дзуэ Акисато Рито печатались как отдельные издания, тем не менее многие книги включают сходные элементы паратекста. Так, большинство начинается с предисловия, заказанного аристократу. Предисловия печатаются с сохранением почерка автора, они небольшие по объему, записаны более крупными знаками, чем основной текст книги. Имя автора предисловия даётся с указанием его социального статуса (должность, ранг), имя помещено в рамку, дальше, уже вне пределов рамки, следует псевдоним.

Ещё одним общим элементом книг Акисато Рито являются «заглавные знаки» (*дайdzi* 題字). «Заглавные знаки» — это элемент, который имеет разные вариации: это может быть один или несколько каллиграфически написанных иероглифов, китайская фраза, небольшой текст или стихотворение. Как правило, этот элемент помещается в декоративную рамку.

Можно утверждать, что не только сходное построение основного текста, но и то, как были изданы книги, способствовало тому, что *мэйсё дзуэ* превратились в особую группу сочинений в японской словесности.

Maria V. Toropygina
(IOS RAS; IOCS NRU HSE)

**Peculiarities of the publications of *meisho zue*
"Illustrated guide to famous places" by Akisato Ritō
at the turn of the 18th–19th cent.:
prefaces commissioned to aristocrats
and calligraphic 'title characters'**

Keywords: woodblock edition; *meisho zue*; Akisato Ritō;
paratext; preface; title characters

In 1780, a man of letters from Kyōto Akisato Ritō (dates unknown) published a book the title of which included the element *meisho zue* 名所図会. This phrase can be translated as 'images of famous places', 'illustrated guide to famous places', or 'illustrated list of famous places'. The publication was about the capital and was called *Miyako meisho zue* "Illustrated guide to the famous places of the capital", i.e. Kyōto. Illustrations were done by Takehara Shunchōsai. Further new books followed, made both in collaboration with Takehara Shunchōsai and with other artists.

Akisato Ritō's *meisho zue* were being published as separate editions. However, a number of books included similar elements of paratext in their structure. Thus, most begin with a preface commissioned from an aristocrat. Prefaces are printed in the author's handwriting; they are small in size but written in larger signs than the main text of the book. The name of the author of the preface is given with an indication of his social status (position, rank); the name is placed in a frame; and a pseudonym follows further outside the frame.

Another common element of Akisato Ritō's books is 'title characters' (*daiji* 題字). 'Title characters' is an element that has many variations: it can include one or more calligraphic characters, a Chinese phrase, a short text, or a poem. As a rule, this element is placed in a decorative frame.

It can be argued that not only the similar structure of the main text but also the way the books were published, that is, an accompanying paratext, contributed to the fact that *meisho zue* formed a special group of works in Japanese literature.

С. В. Тхор
(ИБ РАН)

Организация торговли в Малакке XV–XVI в.
(согласно «Малаккскому кодексу» и «Морскому кодексу»)

Ключевые слова: Малаккский кодекс; мусульманское право; торговые пошлины и порядок торговых сделок

В период существования Малаккского султаната (1400–1511 гг.) безопасность ведения международной морской торговли в малайских портах обеспечивалась законодательством, ориентированным на нормы мусульманского права. Важнейшими правовыми источниками для изучения вопросов организации торговли в Малакке XV–XVI вв. является «Малаккский кодекс» (*Undang-undang Melaka*, XV в.) и «Морской кодекс» (*Undang-undang Laut*, XV–XVI вв.). Несколько десятков статей этих двух источников посвящены порядку взимания портовых пошлин (*cukai kharajat*), регулированию списка разрешенных к ввозу и вывозу товаров, административной организации портовой торговли (*hukum pasar*), организации сделок по купле-продаже (*hukum berniaga*), управлению капиталом (*hukum peri member modal*), доверительной собственности (*hukum amanat*) и банкротству (*hukum orang muflis*). Помимо этого, кодексы регулируют стандарты мер весов и платежных средств (*hukum segala gantang dan cupak kati dan tahil*). Отдельный блок статей посвящён правилам регулирования торговых и денежных споров с участием судьи (*hakim, kadi*) и правилам организации морского торгового предприятия (*hukum segala jong dan balok*). Согласно анализу текстов данных правовых источников, в Малакке действовала достаточно эффективная административная система управления торговли с централизо-

ванной процедурой приема торговых судов в порту, что подтверждается в том числе и более поздними португальскими источниками (например, свидетельство Т. Пиреша). После падения Малакки в начале XVI в. торговые караваны стали предпочитать другие региональные порты, однако торговля в регионе продолжала регулироваться нормами малаккского права.

Svetlana V. Tkhor

(IOS RAS)

**Organization of trade in the Malacca Sultanate
in the 15th–16th cent.**

(according to “Malacca Code” and “Maritime Code”)

Keywords: Malacca code; Maritime code; Muslim law; trade duties and business transactions

During the period of the existence of the Malacca Sultanate (1400–1511) the safety of international maritime trade in Malayan ports was ensured by legislation focused on the norms of Islamic law. The most important legal sources for studying issues of organizing trade in Malacca in the 15th–16th cent. are “Malacca Code” (*Undang-undang Melaka*, 15th cent.) and “Maritime Code” (*Undang-undang Laut*, 15th–16th cent.). Several dozen articles from these two sources are devoted to the procedure of collecting port duties (*cukai kharajat*), regulating the list of goods allowed for import and export, the port trade administrative organization (*hukum pasar*), the organization of purchase and sale transactions (*hukum berniaga*), capital management (*hukum peri memberi modal*), trust (*hukum amanat*) and bankruptcy (*hukum orang muflis*). In addition, the codes regulate standards for weights and means of payment (*hukum segala gantang dan cupak*

kati dan tahlil). A separate block of articles is devoted to the rules for regulating trade and monetary disputes with the participation of a judge (*hakim, kadi*) and the rules for organizing a maritime trading enterprise (*hukum segala jong dan balok*). According to the analysis of texts from these legal sources, Malacca had a fairly effective administrative system for managing trade with a centralized procedure for receiving merchant ships in the port, which is also confirmed by later Portuguese sources (for example, the testimony of T. Pires). After the fall of Malacca at the beginning of the 16th cent. trade caravans began to prefer other regional ports, but trade in the region continued to be governed by Malaccan law.

Е. В. Тюлина

(ИВ РАН)

Роль представлений о смерти в формировании концепции времени в пуранах

Ключевые слова: пураны; древняя и средневековая Индия; представления о времени и истории; Яма; Кала

В пуранах окончательно сформировалась историко-космологическая концепция времени, основу которой составляет представление о сменяющихся друг друга циклах (*махаюгах*). Каждая *махаюга* состоит из более коротких циклов — четырёх *юг* (*Сатья-* или *Крита-юга*, *Трета-юга*, *Двапара-юга* и *Кали-юга*), каждая из которых меньше предыдущей из-за того, что уменьшается нравственность. В пуранах красочно описываются сцены гибели мира, когда всё мироздание последовательно разлагается на элементы. Описание конца вселенной в виде пророчеств появляется и в других главах пуран, например, в конце генеалогий царей. Описания *юг* и гибели вселенной копируют описания жизненного цикла и смерти человека. Особенно ярко это видно при обращении к тексту, посвящённому культу предков. Это вторая книга *Гаруда-пураны* под названием *Прета-канда*. Включение этого текста в состав пураны объясняется не только тем, что тема почитания предков соответствует представлениям об истории. Царём мира мёртвых является Яма, одним из имён которого является Смерть (*mṛtyu*). На Яму уже в древней литературе переносятся функции бога времени Калы (*kala*), первоначально бывшего отдельным божеством. В пуранах же *Кала* становится одним из имён Ямы.

Это объясняется тем, что Яма ведаёт сроками жизни: он — тот, кто подсчитывает продолжительность жизни людей и других существ. Поэтому текст, посвящённый Яме и его царству, является чрезвычайно важным для понимания представлений о времени. В докладе предполагается показать, каковы особенности представлений о времени в тексте, посвящённом смерти и культу предков, и какое влияние они оказали на концепцию времени в *пуранах*.

Elena V. Tyulina
(IOS RAS)

**The role of ideas about death in the formation
of the concept of time in the *Puranas***

Keywords: *Puranas*; ancient and medieval India; the concept of time and history; Yama; Kala

In the *Puranas*, the historical and cosmological concept of time was finally formed, the basis of which is the idea of alternating cycles (*mahayugas*). Each *mahayuga* consists of shorter cycles — four *yugas* (*Satya-* or *Krita-yuga*, *Treta-yuga*, *Dvapara-yuga* and *Kali-yuga*), each of which is smaller than the previous one due to a decrease in morality. The *Puranas* colorfully describe the scenes of the destruction of the world, when the entire universe successively decomposes into elements. The descriptions of the end of the universe in the form of prophecies also appears in other chapters of the *Puranas*, for example, at the end of the genealogies of kings. The description of the *yugas* and the death of the universe copy the descriptions of the life cycle and death of a person. This is especially evident when referring to the text dedicated to the cult of ancestors. This is the second book of the *Garuda-Purana*, called *Preta-Kanda*. The inclusion of this text

in the *Purana* is explained not only by the fact that the theme of ancestor worship corresponds to the ideas of history. The king of the world of the dead is Yama, one of whose names is Death (*mṛtyu*). Already in ancient literature, the functions of the god of time, Kala, originally a separate deity, are transferred to Yama. In the *Puranas*, *Kala* becomes one of the names of Yama. This is because Yama is in charge of the life span: he is the one who calculates the duration of the life of people and other beings. Therefore, the text describing Yama and his kingdom is extremely important for understanding the concepts of time. It is assumed that the paper will show what are the features of the ideas about time in the text describing the death and cult of ancestors, and what influence they had on the concept of time in the *Puranas*.

М. Ю. Ульянов
(ИСАА МГУ),

Е. В. Гордиенко
(РГГУ)

Издание книги А.Б. Полякова
«Возрождение средневекового Вьетнама
(X – начало XV в.)»

Ключевые слова: Вьетнам; история Вьетнама; Дайвьет;
средневековая история; исторические источники;
вьетнамоведение

Монография «Возрождение средневекового Вьетнама (X – начало XV в.)» Алексея Борисовича Полякова (1949–2020) содержит изложение истории Дайвьета в эпоху правления династий Ли и Чан на основе перевода и анализа вьетнамских исторических источников, в первую очередь летописи «Краткая история Вьета» (*Вьет шы лыок*, вышла в переводе А. Б. Полякова в 1980 г.). Это детальное и написанное прекрасным языком исследование было опубликовано в 1996 г. на вьетнамском языке в Ханое, но не издавалось в виде монографии на русском языке. Поляков посвятил написанию этой книги всю свою жизнь, многократно дорабатывая текст вплоть до своей смерти, и завещал опубликовать свою книгу в России. Нами совместно с вьетнамоведом О. В. Новаковой было осуществлено научное редактирование и подготовка к изданию монографии на русском языке. Кроме того, японский историк Момоки Широ и вьетнамский историк Фан Фьонг Тхао написали рецензии на труд А. Б. Полякова (их перевод будет опубликован в монографии). Самое активное участие в подготовке монографии приняла вдова автора — Марина Николаевна Полякова.

А. Б. Поляков был ученым вне академических структур: много лет он проработал во Вьетнаме — в российском посольстве и затем в нефтегазовой отрасли. Все эти годы он поддерживал связь с научной средой и со своим научным руководителем — Д. В. Деопиком. Издание книги А. Б. Полякова — важное для вьетнамистики событие, поскольку он принадлежал к плеяде блестящих историков-медиевистов, владевших классическим китайским языком и методами текстологии (в 2008 г. с переходом на Болонскую систему и сокращением учебных программ подготовка таких специалистов прекратилась).

Mark Yu. Ulyanov

(IAAS MSU)

Elena V. Gordienko

(RSUH)

**Publication of the book “The Revival of Medieval Vietnam
(10th – early 15th cent.)” by A. B. Polyakov**

Keywords: Vietnam; history of Vietnam; *Đại Việt*; medieval history; historical sources; Vietnamese studies

The monograph “The Revival of Medieval Vietnam (10th – early 15th cent.)” by Aleksei B. Polyakov (1949–2020) contains a narration of the history of *Đại Việt* during the reign of the Lý and Trần dynasties. The essay is based on the translation and analysis of Vietnamese historical sources, primarily the “Abridged Chronicles of Viet” (*Việt sử lược*, translated into Russian by Polyakov and published in 1980). In 1996 this thoroughly readable detailed survey was published in Vietnamese in Hanoi, but it was never published as a monograph in Russian. Polyakov devoted

his whole life to writing this book, he repeatedly revised the text until his death, and bequeathed to publish his book in Russia. Together with the Vietnamese history researcher O. V. Novakova, we carried out scientific editing and preparation for publication of the monograph in Russian. In addition, Japanese historian Momoki Shiro and Vietnamese historian Phan Phương Thảo wrote reviews of Polyakov's work (their translation will be published in the monograph). The most active part in the preparation of the monograph was taken by the author's widow, Marina N. Polyakova.

During all these years, he kept in touch with the scientific community and with his supervisor D. V. Deopik. The most important issues that Polyakov touches upon in his book, in addition to the presentation of event history analysis, relate to a wide range of problems. The publication of Polyakov's book is an important event for the Vietnamese studies, since he belonged to series of brilliant medievalists who knew Classical Chinese language and textual study methods (the training of such specialists ceased in 2008 with the transition to Bologna Process and the reduction of educational programs).

Н. Ю. Чалисова
(ИКВиА НИУ ВШЭ)

Украшение для стиха и ловушка для переводчика: стратегии цитирования в персидской поэзии

Ключевые слова: персидская поэзия; поэтика; риторическая фигура; цитата

Использование авторитетной цитаты — прием, знакомый едва ли не всем литературным традициям. В новоперсидской литературе он обрел популярность в период ее становления, а иерархия авторитетности источников цитат определила номенклатуру фигур цитирования в поэтологических трактатах: *iqtibās* — «вынимание головни из огня», цитирование Корана, хадисов, положений фикха, *tazmīn* — «включение» стихотворной цитаты, *irsāl al-maṭal* — «приведение пословицы, гномы», *talmīh* — «намеки» на известную историю (род скрытого цитирования), *tarjama* — приведение «перевода» арабского бейта.

В докладе обсуждаются аспекты персидской теории цитирования, первоначально формировавшейся с опорой на арабский прототип, но с течением времени все более адаптирующейся к динамике персидской поэзии. Персидские критики XI–XIII вв. видели основную функцию цитирования в амплификации, усилении поэтической выразительности речи, поскольку приведение цитаты используется для поддержки поэтического аргумента, мотивирует слушателей признать его ценность и устанавливает связь с текстом-источником цитаты. При этом цитату рекомендовалось вводить в текст «как гостя», упоминая имя ее автора или иным образом обозначая, что далее следует «чужая речь», иначе цитирование может рассматриваться как вид плагиата — *in-tihāl* (приписывание себе чужих стихов).

На протяжении XIII–XIV вв. персидские поэты (особенно авторы газелей) стали все больше использовать цитаты для вовлечения читателей и слушателей в замысловатую литературную игру: прибегали к скрытым цитатам, переплетали свои слова со знаменитым бейтом или использовали стратегии реконтекстуализации, чтобы намеренно изменить смысл оригинала (такие практики отражены, но лишь отчасти, в трактатах XV века). Эти новшества принадлежат к числу «ловушек» не только для читателей и слушателей персидской поэзии, но и для ее переводчиков и комментаторов, что будет показано в заключительной части доклада на нескольких примерах.

Natalia Yu. Chalisova
(IOCS NRU HSE)

Poetic embellishment and translation trap: quotation strategies in Persian poetry

Keywords: Persian poetry; poetics; rhetorical figure; quotation

The use of an authoritative quotation is a technique familiar to almost all literary traditions. In New Persian literature, already in its formation period, it gained much popularity. The authority hierarchy of the citation sources determined the nomenclature of devices based on quotation in poetological treatises. Citation of the Qur'an, Hadiths or *fiqh* provisions was being described as *iqtibās* ('taking a firebrand from a fire'), inclusion of a poetic quotation as *tazmīn*, addition of a proverb or gnoma as *irsāl al-maṭal*, allusion to a well-known story (hidden citation) as *talmīh*, quotation from Arabic poetry in translation as *tarjama*.

The paper discusses aspects of the Persian quotation theory, which was originally based on an Arabic prototype, but with the

passage of time more and more adapting to the dynamics of Persian poetry. Persian critics of the 11th–13th cent. saw the main function of quoting in amplification, enhancing the poetic expressiveness of speech, since the citation is used to support a poetic argument, motivates listeners to recognize its value and establishes a connection with the source of quotation. At the same time, it was recommended to provide a quotation as if inviting a guest, mentioning the name of its author or otherwise indicating that “someone else’s speech” follows; otherwise quoting could be considered as a kind of plagiarism, or *intiḥāl* (attributing other people’s poems to oneself).

During the 13th–14th cent. Persian poets (especially *ghazal* authors) increasingly used quotations to engage readers and listeners in an intricate literary game; they resorted to hidden quotations, intertwined their words with the famous lines of poetry, or used recontextualization strategies to change the meaning of the original (such practices are reflected, but only in part, in 15th-cent. treatises). These innovations could count as ‘traps’ not only for readers and listeners, but also for translators and commentators of Persian poetry, which will be shown in the final part of the report with several examples.

М. С. Чистякова
(ИВ РАН)

**«Я сказал народу моей земли»:
Прямая речь в текстах правителей Суху I тыс. до н.э.**

Ключевые слова: Вавилония; Суху; прямая речь

Прямая речь — интереснейший гость царских надписей. Особое распространение она получила в текстах Ашурбанипала и Эсархаддона и отражала в основном обращение царя к богам, их ответ ему и речи его противников, отражающие их ужас или злые козни против правителя.

По этому же пути использования пошли и правители Суху (*Шамаш-реша-уцур* и *Нинурта-кудурри-уцур*), небольшой территории, вышедшей из-под власти Ассирии в IX–VIII вв. до н.э. Правители Суху переняли традицию фиксации слов врагов, но добавили и новую сферу использования прямой речи, а именно короткий диалог с будущим гипотетическим собеседником о теме надписи. В этом диалоге на возможный вопрос читателя о событиях текста указывался ответ, выставляющий в выгодном свете деятельность правителей Суху и отсылающий к мудрости местных старцев. Появление подобного приема связано и с формой самих текстов, созданных для ознакомления широкого круга лиц, и со стремлением правителей Суху заручиться поддержкой снизу, ведь они должны были отстаивать свою независимость перед лицом Ассирии. В итоге, типичная форма божественного одобрения и военных успехов как индикатор праведности царя здесь обогатилась приемом обращения к населению в виде прямой речи и показательного внимания к населению земли Суху.

Далее прямая речь активно использовалась уже царем Вавилона Набонидом и отражала его трогательные диалоги со жрецами и богами, показывая его надежным царем. Использование им прямой речи было более «личным», так как во многих диалогах активным лицом выступал он сам. Хотя этот прием большого распространения так и не получил, он стал интересным направлением развития царских текстов.

Maria S. Chistyakova
(IOS RAS)

"I said to the people of my land": direct speech in the texts of the rulers of Suhu in the 1st millennium BC

Keywords: Babylonia; Suhu; direct speech

Direct speech is a very interesting feature of royal inscriptions. It was especially common in the texts of Ashurbanipal and Esarhaddon and reflected mainly the king's call to the gods, their response, and the speeches of his opponents reflecting their terror or evil intrigues against the ruler.

The rulers of Suhu (*Šamaš-reša-ušur* and *Ninurta-kudurri-ušur*), a small territory that emerged from Assyrian rule in the 9th–8th cent. BC, followed the same path of use. The Suhu rulers adopted the tradition of capturing the words of enemies but also added a new sphere of direct speech use, namely a short dialogue with a hypothetical future interlocutor about the subject of the inscription. In this dialogue, a possible reader's question about the events of the text was followed by a reply that put the activities of the Suhu rulers in a favourable light and referred to the wisdom of local elders. The appearance of such a technique is connected both with the form of the texts themselves, created to

inform a large audience, and with the desire of the Suhu rulers to gain support from commoners as they had to defend their independence against Assyria. As a result, the typical indicator of the king's righteousness in the form of divine approval and military successes was enriched with the technique of addressing the population in the form of direct speech and ostentatious attention to the population of the Suhu land.

Furthermore, Nabonidus, King of Babylon, actively used direct speech, which is reflected in his moving dialogues with priests and gods, showing him to be a trustworthy king. His use of direct speech was more "personal", as in many dialogues he himself was the protagonist. Although this technique never became popular, it represented an interesting direction in the development of royal texts.

Е. А. Юдицкая
(ОИКДВ, ИВ РАН)

**Особенности структуры и стиля
классической санскритской драмы**
(предварительные замечания)

Ключевые слова: классическая санскритская драма;
вимарша; древнеиндийская драматическая теория;
бхрама; *Натьяшастра*; Калидаса

Индийская теория драмы полна специфических терминов и категорий, однако в целом ряде случаев до сих пор остается малопонятным, как они соотносятся с текстами дошедших до нас пьес. Не менее самобытны и сами пьесы, их сюжет и структура. Еще одним подтверждением того, насколько сложна классическая санскритская драма для восприятия в современном мире, может служить история ее появления на Западе. Первой переведенной на европейские языки пьесой стала *натака* Калидасы «Абхиджняна и Шакунтала». Пьеса вызвала большой интерес в Европе эпохи романтизма, и даже И. В. Гете был настолько вдохновлен ею, что решил использовать сюжетную структуру пролога «Шакунталы» в качестве модели при создании пролога к «Фаусту» (Пролог в театре). Последовавшие за «Шакунталой» переводы санскритских пьес как самого Калидасы, так и других драматургов были встречены гораздо с меньшим энтузиазмом и вызывали скорее недоумение, нежели какие-либо еще настроения среди своих первых читателей. Исследователи XIX в., придерживавшиеся идущих от античности представлений о драме, обнаружили, что принципы, на которых построены индийские пьесы, совершенно не соответствуют общепринятым нормам (низкая степень

нарративности, повторяющийся из пьесы в пьесу нарочито узкий набор сюжетных схем и мотивов, полное отсутствие интриги и запрет на трагедийную развязку). Одним из первых фундаментальных исследований индийской драматургии, цель которого состояла в том, чтобы отстоять ее самобытность и показать значение, основываясь при этом на обширном материале как самих пьес, так и поэтологических трактатов, стал труд С. Леви «Индийский театр», вышедший в 1890 г. Во второй половине XX в. (после многочисленных авангардных экспериментов, значительно расширивших наши представления о норме) таких исследований стало появляться гораздо больше. Индийская драма была признана особой художественной конструкцией, стал вопрос о разработке для ее изучения особого метода. В докладе мы кратко расскажем об истории изучения санскритской драмы, а также обсудим ее наиболее важные структурные и стилистические особенности.

Ekaterina A. Yuditskaya
(IOS RAS)

**Stylistic and Structural Peculiarities
of Classical Sanskrit Drama**
(Preliminary Remarks)

Keywords: classical Sanskrit drama; *vimarśa*; ancient Indian dramatic theory; *bhrama*; *Nāṭyaśāstra*"; Kālidāsa

The Indian theory of drama is full of specific terms and categories and, in a number of cases, it's not completely clear how they relate to the texts of actual plays that have come down to us. The plays themselves, their plot, and structure are no less original. Another confirmation of how complex the classical Sanskrit

drama is to perceive in the modern world can be shown through the story of its appearance and investigation in the West. The first play to be translated into European languages was Kālidāsa's *nāṭaka* "Abhijñānaśakuntalā". The play sparked great interest in Europe during the Romantic Period, and even J. W. von Goethe was so inspired by it that he decided to use the plot structure of *Śakuntalā*'s prologue as a model for creating his prologue to "Faust" (Das Vorspiel auf dem Theater). The translations of Sanskrit plays that followed *Śakuntalā*, both by Kālidāsa and other Indian playwrights, were received with much less enthusiasm and rather evoked bewilderment than any other attitudes among their initial readers. Researchers of the 19th cent., who adhered to the ideas of drama coming from classical antiquity, found that the principles on which the Indian plays were constructed did not at all correspond to generally accepted norms (a low degree of narrativity, a deliberately narrow set of plot schemes and motives repeated from play to play, a complete lack of intrigue, and a ban on the tragic dénouement). One of the earliest fundamental studies of Indian dramaturgy, which aimed at defending its originality and showing its significance based on the extensive material of both plays and poetological treatises, was S. Lévy's book "Le Théâtre Indien" published in 1890. In the second half of the 20th cent. (after numerous avant-garde experiments that have greatly expanded our understanding of the norm), many more such studies began to appear. Indian drama was recognized as a unique artistic construction, and it became evident that a special method for studying it should be developed. In our report, we will briefly talk about the history of the investigation of Sanskrit drama, as well as discuss its most important structural and stylistic features.

О. М. Ястребова

(Российская национальная библиотека,
Институт истории СПбГУ),

А. С. Матвеев

(Восточный факультет СПбГУ),

А. В. Моисеева

(Государственный Эрмитаж,
Институт истории СПбГУ).

О проекте электронной публикации и изучения коллекции рукописей Мухаммада Айяда ат-Тантави¹

Ключевые слова: информационные технологии; базы данных; электронные библиотеки; рукописные коллекции; кодикология; арабские рукописи

Мухаммад Айяд ат-Тантави (1810–1861) — профессор СПбУ, крупный знаток арабской литературы и языка, внесший важный вклад в развитие востоковедения в России. В 1839 году он был приглашен в Россию и привез с собой из Египта коллекцию рукописей, насчитывающую 156 единиц, которую после смерти владельца приобрел Университет. Рукописи содержат почти исключительно арабские тексты, иллюстрирующие широкий круг интересов ат-Тантави: различные аспекты *адаба*, диваны поэтов, комментарии к попу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-28-01748 «Онлайн-база данных рукописей как исследовательский инструмент: Интернет-публикация и изучение собрания арабских рукописей проф. Санкт-Петербургского Университета Шейха Мухаммада ат-Тантави (1810–1861) из фонда Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького СПбГУ».

лярным стихам, грамматика и лексикография арабского языка, историко-географические труды, философия, логика, трактаты по суфизму и т. д.

В настоящее время осуществляется проект электронной публикации данной коллекции. Разработаны принципы построения базы данных для введения в нее подробных описаний, включающих в себя информацию библиографического и кодикологического характера; в настоящее время оболочка базы проходит тестирование. Кроме того, дорабатывая и редактируя описания книг коллекции, мы сталкиваемся с необходимостью уточнения авторства и атрибуции некоторых текстов. Остро стоит проблема уточнения датировок рукописей, так как многие из них не содержат указания на время и место переписки.

Одной из важнейших особенностей разрабатываемой базы является включение в описание рукописи кодов системы российского коммуникационного формата RusMARC. Учитывая опыт зарубежных проектов по созданию национальных электронных порталов, объединяющих электронные каталоги коллекций различных учреждений, участники проекта сочли необходимым заложить в создаваемый ими ресурс возможность коммуникации с другими подобными российскими проектам, в частности, с системой электронного описания рукописей «Депозитарий», которая разработана в Российской национальной библиотеке.

Olga M. Yastrebova

(National Library of Russia;
Institute of History, St Petersburg University),

Alexander S. Matveyev

(FAAS, St Petersburg University),

Anna V. Moiseyeva

(State Hermitage Museum;
Institute of History, St Petersburg University)

On Electronic Publication of the Arabic Manuscripts Collection of Sheikh Muhammad Ayyad al-Tantawi

Keywords: information technologies; databases; electronic libraries; manuscript collections; codicology; Arabic manuscripts

Sheikh Muhammad al-Tantawi (1810–1861), a prominent Arab scholar, was a major Arabic language and literature authority of his time who played a significant role in developing Arab studies in Russia. In 1839 he was invited to St Petersburg to become later a Professor at the St. Petersburg University. He had brought from Cairo his collection of manuscripts which was bought by the St. Petersburg University after his death; currently it enlists 156 items. The manuscripts contain mainly Arab texts reflecting the broad scientific interests of al-Tantawi. They encompass treatises covering various aspects of *adab*, grammar and lexicography; *diwans* of Arab poets; commentaries on famous poems; history and geography books; philosophy and logic treatises; *Sufi* works, et al.

The main objective of the ongoing project is an electronic publication of the above manuscript collection. An on-line database for publication of MSS in digital form has been developed,

together with a standard description set ('library card') comprising bibliographical and codicological information about the MSS, as well as works they contain and their authors. Currently, the developing software and parameters of the MSS 'library card' are being tested. Besides, while studying and describing the MSS from al-Tantawi's collection we have to solve the issues of attribution of some of the texts. The question of dating is also of a paramount importance, since many of the MSS have no references to the date and place of their copying.

Another important aspect of the developing on-line database is adding RusMARC codes fields to the MS description card (RusMARC bibliographic communication format has been developed in Russia on the basis of the UNIMARC, a set of international standards for creating and formatting bibliographic records for library materials). The earlier experience of the major international projects for on-line publishing of Muslim MSS that put together different national collections, as well as some Russian MSS digitalization projects, have been taken into account. Thus, our database has been provided with an option of linking the published MSS to other Russian and, potentially, international, online MSS collections (the most prominent national example being the system of electronic MSS description named "Depositarium", which has been developed in the Russian National Library in St. Petersburg).

* * *